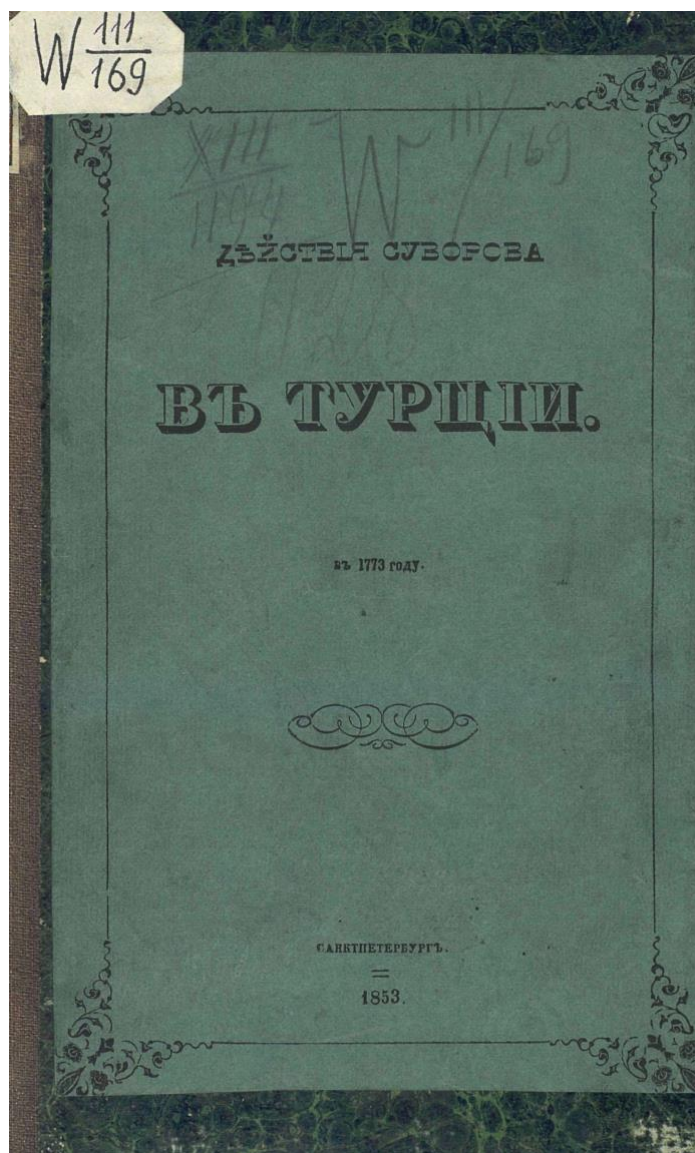

ДЕЙСТВИЯ СУВОРОВА В ТУРЦИИ, В 1773 ГОДУ.

составил
генерального штаба подполковник Сакович.

Санкт-Петербург
1853

© OCR, подготовка текстовой версии - Игорь Андреев-Попович, Екатеринбург,
фотограф (<http://andreevigor.livejournal.com>)

© Web-публикация - военно-исторический проект "Адъютант!" (<http://adjutant.ru>)

Оглавление

Мысли об Александре Васильевиче Суворове. Обзор начальных действий второй дивизии в Валахии в 1773 году.	3
Описание действий Суворова в ночных экспедициях на г. Туртукай с 9-го на 10-е мая и с 17-го на 18-е июня.	8
Разбор суждений биографов Князя Италийского о Туртукайском донесении.	21
Последнее время пребывания Суворова в армии Графа Румянцова-Задунайского	25
Примечания	40
План действий Суворова в первый поиск его на Туртукай.....	42

Примечание OCR-редактора: тест несколько адаптирован, кроме оригинальных документов. Они – буква в букву.

Примечание Адъютанта: 1. В оригинале весь текст идет слитно, без разбиения на главы. Оглавление в электронном тексте книги дано условно, в соответствии с авторским содержанием, приведенным на 1й странице. 2. Подстрочные примечания в оригинале располагаются в нижней части страницы, в интернет-версии вынесены в конец текста.

Печатать позволяется:
С тем, чтобы по отпечатании представлено было в Ценсурный Кабинет узаконенное число
экземпляров
Санктпетербург, 28 сентября 1853 года
Ценсор *Н. Ахматов*

Мысли об Александре Васильевиче Суворове. Обзор начальных действий второй дивизии в Валахии в 1773 году.

[1] Изучение отечественной истории составляет отличительную черту нашего времени. Направление это высказалось в Литературу, изданием многих исторических материалов, в действиях правительства, учреждением Археологических обществ, временных комиссий, открытием архивов и возобновлением памятников минувшей жизни Русского Государства. Киев в сем случае может служить представителем того попечением, которое благополучно царствующий [2] наш Великий Государь прилагает к открытию и возобновлению памятников Русской старины. В последние двадцать лет в Киеве открыты из-под земли: остатки золотых ворот Ярослава, фундамент Церкви св. Ирины, воздвигнута из развалин Десятинная Церковь и восстановлена византийская живопись в Софийском соборе, а самый собор приведен, по мере возможности, в тот вид, как он был при Ярославе.

В параллель с этими свидетелями Археологической деятельности идут труды и по собиранию исторических материалов. По Высочайшему повелению, последовавшему вследствие представления Киевского Военного, Подольского и Волынского Генерал-Губернатора, ныне Министра Внутренних дел, Генерал-Адъютанта Дмитрия Гавриловича Бибикова, в Киеве учреждена Комиссия для разбора древних Актов. Комиссия эта, напечатав уже несколько томов материалов, относящихся к истории Малороссийских областей, имела случай открыть, что в г. Чернигове, при Губернском Архиве находится Архив Военно-Походной Канцелярии Графа Румянцева-Задунайского. Архив этот ходатайством Генерал-Адъютанта Бибикова и иждивением Председателя Комиссии Г. Судьенки доставлен в Киев в конце 1851 года и вслед за тем подвергнут разбору.

В числе материалов, найденных в этом Архиве, весьма любопытны те, которые относятся к Суворову. Имя это для Русского человека столь замечательно, что мало найдется в Государстве людей, которым не было бы известно что-нибудь из жизни и личности великого соотечественника. Предания о Суворове [3] живо сохранены и с благоговением передаются потомству. Он жил в славное время Екатерининского века, когда в сотрудниках, содействовавших мудрой Государыне на поприще к величию и славе России, не было недочета. Имена их сливаются со всемирной Историей, но плоды трудов и деятельности их принадлежат нам, упрочили благо отечества, нашу народную славу. Как представители Русской силы и Русского Гения, как орудия самодержавия, как виновники развития могущества и расширения пределов Государства, они живут в памяти признательного потомства. Румянцевы, Потемкины, Репнины, Орловы, Бецкие, Суворовы на разных путях служения Престолу и отечеству, оставили нам в завет образец высоких гражданских и военных добродетелей, и как Русские пробудили в нас сознание сил и достоинств пред иноплеменниками.

Долг истории – оценить сторону Государственной деятельности каждого из сотрудников Великой Государыни; долг каждого Русского – изучать отечественную историю, и счастлив тот, кто имеет возможность знакомить своих соотечественников со славными событиями и великими мужами минувшей жизни России.

Вот идея, которая руководила при составлении предлагаемой статьи; побуждением же к составлению ее, было желание: по найденным при разборе Архива Военно-Походной Канцелярии Графа Румянцова-Задунайского материалам представить в истинном виде и в подробности экспедиции Александра Васильевича Суворова на город Туртукай в 1773 году.

Но прежде, нежели перейдем к настоящему предмету наших исследований не можем не высказать здесь некоторых [4] мыслей о Суворове. Личность, образ жизни, характер, самые странности этого великого человека нам более или менее известны из его биографий, но многое ли мы знаем об отношениях Суворова к обществу, о его влиянии на современников, об идеях, занятых им в своем времени, развитых плодами собственного ума и наблюдательности и переданных потомству. Исследован ли и представлен в настоящем свете этот Гений по его влиянию на окружавших, на войско и на народ, от которого он не отрывал себя ни на один миг во всю свою жизнь? Объяснены ли должным образом его странности, не имевшие другой цели, как учить Русский народ и порицать то, что к нашему быту привито было иноземцами и подражательностью? Исчислены ли заслуги Суворова, как стража нашей национальности, бросившего обильные семена для последовавшей вскоре после него реакции в образе жизни, идеях, нравах и воспитании нашего высшего общества? Мы знаем, как высказывал он в лицо горькие истины, видим его мистификацию в обращении, но разъяснил ли нам хоть один Биограф – от каких причин и обстоятельств характер и личность Суворова вылились в особую форму, казавшуюся комической для одних, назидательной для других и загадочной для нас?

Явление Суворова навсегда останется проблемою, если не согласиться с тем, что он действовал, как орудие промысла, для блага общего, для пользы отечества. Сам он, заключая свое земное странствование, сказал: «семьдесят лет гонялся я за славою – все мечта; покой души – у престола Всевышнего». [5]

Век Екатерины - век великих людей; но Суворов колоссальностью своего имени и народностью выше всех современников, хотя заслуги Потемкина, Румянцева и других материальными результатами принесли государству несравненно более пользы, нежели подвиги Суворова. В самом деле, один примежевывает целый край к России; другой, оканчивая войну, передает судьбу Турции в руки России. Суворов, хотя и участник всех важнейших событий царствования Екатерины II, почти не был ни разу поставлен в положение подобное другим. Его войны в Польше, Турции, Италии и Швейцарии сопровождалась ничтожными материальными выгодами. Несмотря, однако, на то, пред именем Суворова меркнут остальные знаменитости века Екатерины; оно хранимо народом; имена прочих только внесены в историю!

Приобретение любви народной, составляя отличие Суворова от других его современников, не так было легко, как может показаться с первого раза. Путь, избранный им, мало представлял завлекательного, и поэтому никто не вызвался на соперничество с Суворовым. Надобно было иметь твердость характера и силу воли его, чтобы, вступив на оный, пройти до конца, презирая богатство, роскошь, лесть и весь блеск наружного величия вельможи. Суворов отразил в себе все добрые качества нашего народа и снискал признательность в сердце Русского человека в то время, как другие, окружив себя иною средою, остались или вовсе неузнанными, или мало известными.

Понимать Суворова как стража нашей народности [6] – и утешительно, и справедливо! К убеждению в этом придет каждый; для этого стоит только вникнуть в дух того времени, нравы и последовавшую затем реакцию в быту нашего высшего общества. Революция уже была в полном разгаре. Вулкан ее изверг стотысячные армии в Европу. Наблюдательные умы современников столь сильно были поражены всеми сценами революции, что ничего не могли сказать определительного об историческом смысле и последствиях ее. Так Гиббон в одном из своих писем к Е. Р. Дашковой

говорит: «революция небывалое событие в истории, и при всех усилиях мысли нельзя определить – чем она кончится».

Так судили в Европе, и таково было мнение Екатерины II. Послушаем теперь современника этой эпохи С. Н. Глинки, адъютанта князя Ю. В. Долгорукова. В Москве, говорит он, все предавались рассеянности и о том, что происходило в Европе, едва знали понаслышке; в доме князя Долгорукова никогда и никто не слышал имени того, который 15 лет спустя ввел в нашу столицу 20 народов. Наполеон озабочивал одного Суворова, не раз говорившего Императрице: «Матушка, пусти меня против Французов». Далее, не менее надобно удивляться и тому, в каком глубоком усыплении был у некоторых в то время любовь к отечественной истории. Едва верится рассказу того же лица, когда, по увольнении от службы князя Долгорукова, Глинка отправился в свой батальон, стоявший лагерем в Петербурге. Там он нашел в офицерах людей умных и образованных; но об Суворове они едва знали, и в лагере имя Героя Итальянского безмолвствовало!.. [7]

Суворов в своей жизни испытал ту же участь, которая суждена в удел многим великим людям. Его без разбора поносили невеждою, счастливецом, Аттилою... Люди, порицавшие его имя так немилосердно, не заметили сами, что они этим отдали должную похвалу уму и деяниям нашего полководца. Они раздирали имя Суворова потому только, что суждениями их руководило не беспристрастие истории, а злоба раздраженного общества. Суворов в первый раз явился на военном поприще, в звании уже самостоятельного начальника в Конфедератскую войну, среди края, взволнованного политическим бредом, в обществе, разделенном на партии, терзавшем друг друга и ненавидевшем имя Русское. Там он, конечно, как неприятель и как Русский человек с умом здравым, с правилами твердыми и верными шел прямо к указанной ему цели, опрокидывая и стирая с земли все, что думало противиться и оспаривать у него первенство Русского оружия. Сам образ действий Суворова против Конфедератов оскорблял их самолюбие; им казалось, что он из презрения к их войскам не хотел даже следовать обыкновенным правилам тогдашней тактики¹.

С театра войны в Польше Суворов перешел на берега Дуная; там он мог встретить достойного [8] себе соперника в Вейсмани. Но судьба расположила жребием их различно: на чем один остановился, ч того другой начал. Оба одинаково проницательные, равно отважные и непобедимые, справедливо судили, что моральное превосходство дисциплинированных войск должно было доставить им перевес над нестройными толпами, и что отступление, составляющее труднейший маневр для Европейской армии, должно быть губительно для Турецких масс, по недостатку правильности в их движениях. Переход от подобного суждения к заключению, что атака – есть лучший образ действий против Турок, не был труден для Суворова. И действительно, с первого дела под Туртукаем в обе Турецкие войны Суворов постоянно действовал наступательно.

В продолжение кампаний 1773 и 1774 годов, Суворов не упускал случая обнаружить свои военные способности и искусство, но, несмотря на то, недавнее прибытие к армии и молодость его службы, сравнительно с другими генералами Румянцевской армии, немалым были ему препятствием к отличиям. Но те действия Суворова, которые поставили имя его столь высоко в общем мнении России и всей Европы, а именно сражения при Фокшанах и Рымнике и взятие Измаила, - принадлежат ко второй войне с Турцией с 1787 до 1791 года.

В 1794 году Суворов, в течение двух месяцев, покорил Польшу. Имя Суворова произносилось в Западной Европе едва не с крестным знаменем.

Отдавши справедливость тем иноземцам, суждения которых об Александре Васильевиче отличаются беспристрастием и верностью, назовем его с гордостью [9] великим человеком, честью нации, ревностнейшим поборником славы имени Русского; прибавим, что и в последние минуты угасающей жизни мысли его обращены были к

любезному отечеству. Изучив тщательно тогдашнее состояние нашего общества и привившийся к нам чуждый быт со всеми его пороками и пагубными началами, Суворов, сходя в могилу, скорбел душою. Он думал, что Россия уклонится со стези своего призвания, не достигнув полного развития сил и того могущества, которое для нее в будущности назначено Промыслом.

Нужно ли говорить о Суворове, как о полководце? Вопрос этот давно уже решен Историей и знатоками военного дела! Кто ни разу не был побежден на столь разнообразных театрах войны, кто мог торжествовать над столькими искусными противниками, находя все средства к тому в самом себе, тому, без сомнения, суд потомства не смеет отказать в звании великого полководца.

Заслуги Суворова, как примерного сына России и полководца, составляют едва ли только не половину его обширной тридцати двух летней деятельности. Другая половина служебного его поприща, к сожалению, еще весьма мало исследованная, должна обнять систему командования Армией, дух военных учреждений, характер быта войск, воинскую дисциплину и проч., которые Суворовым были преобразованы в самом их основании.

Причина, почему он еще не оценен надлежащим образом со стороны административной, заключается в том, что до нас дошли лишь немногие документы, относящиеся до управления и командования [10] им армиями. В то время многие части военного управления не имели такого полного развития в законах, как ныне; многое было в исполнении, но не существовало в законе. Граф Румянцев, имевший случай в Семилетнюю войну изучить многое, едва ли не первый начал вводить определительные уставы и заботиться об однообразии в обучении войск и отправлении ими обязанностей Полевой и Гарнизонной службы. Подтверждением тому служить могут найденные при разборе архива его военно-походной канцелярии некоторые отрывки устава о лагерной службе, разосланные от него в Армию, и предписания начальникам дивизий об однообразии обучения и экзерциции. Может быть, со временем, когда откроются где-нибудь архивы делам за время командования войсками князем Италийским², мы приобретем многие данные, чтобы объяснить значение Суворова в нашей военной администрации, как преобразователя внутреннего быта и духа войск.

Предание сохранило для нас те немногие краткие правила тактики и уставов, которые у Суворова читались войскам после каждого развода и чтения. По ним мы можем догадываться, что в то время уже была твердая система полевого устава, но понять вполне механизм маневров и учений Суворовских войск становится для нас невозможным. Самая сжатость изложения правил и команд делает их невразумительными. Читая оные, кажется слышишь трескотню [11] боя, видишь работу Суворовского чудо-богатыря, но все остальное для нас темно-загадочно.

До какой степени многое изменил в нашей Армии Суворов, можем судить по сравнениям, и при этом, кто не согласится, что Армия Русская и в Италийский поход 1799 года подходила ближе по свойствам ее, духу и тактике к Армии нашего времени, нежели к Армии Румянцева. Обращая внимание на кампании в 1773-м и 1774 годах, видим, что тогдашние движения наших армий были большей частью медленны. За немногими исключениями, как, например, действий Генерал-Майора Вейсмана, войска наши делали переходы иногда не более 8-ми верст в сутки; приказание Главнокомандующего приводилось в исполнение вяло и не всегда точно: пример тому подает сам Суворов в 1774 году, уклоняющийся от соединения с Каменским и уезжающий без позволения со своего поста, в то время, когда ему приказано было действовать против неприятеля. Граф Салтыков смело высказывает Румянцеву, что он не признает никакой пользы в действиях на правой стороне Дуная, и несмотря на многократные его приказания, не переходит через реку. Князь Долгоруков отказывается идти к Шумле и возвращается за Дунай также вопреки приказанию Главнокомандующего. Подобных примеров немало. Напротив того, Армия Суворова в

Италии отличается примерной быстротою; распоряжения Главнокомандующего исполняются повсюду точно и скоро. За армией уже не тянутся ряды огромных обозов, для уменьшения которых в 1773 году при переправе через Дунай Румянцев намерен был подать пример [12] над своими собственными экипажами. Больные у Суворова не ослабляют рядов и более боятся госпиталя, нежели болезни и неприятеля. Рекруты обучены скоро, сбережены в силах и в бою не уступают старым солдатам. При поисках Суворова на Туртукай видно употребление стрелков и колонн, а потому можно безошибочно заметить, что применение рассыпного строя и колонн к действиям войск есть дело соображений и военного гения Суворова, а не изобретательности Французской. Вообще в Италии Русские войска действуют по Французской тактике; но учить армию в виду неприятеля Суворов не мог и приготовил к тому войска заблаговременно. В Швейцарии Армия Суворова действовала как на давно знакомом театре войны; твердость и настойчивость в исполнении распоряжений Главнокомандующего (качества войск опытных в горной войне), не только не были чужды Армии Суворова, но превзошли ожидания современников и изумили Европу. Всего же более замечательна для нас должна быть дисциплина в войсках Суворова. Устав Петра Великого, сообразный духу своего времени и долго имевший силу закона в наших войсках, хотя и с послаблением, проникнут всюду мыслью, что дисциплина, в том смысле как ее понимаем ныне, т.е.: совокупное действие военных постановлений, приводящих каждого к покорности, порядку и исполнению обязанностей, должна быть водворяема и охраняема строгой системой наказаний. Суворов, наблюдая, чтобы каждый в его армии занимал пост по достоинству, с пользой службе, преградил тем доступ интриге и бездарности и открыл честолюбию и усердию служащих простор достигать [13] высший званий соревнованием в исполнении обязанностей.

Не менее замечательна система воспитания и сбережения войск, введенная Суворовым; но как эти предметы остаются поныне мало исследованными, то мы знаем лишь некоторые изречения Суворова, которые свидетельствуют, что высшей его заботливостью было уменьшение убыли в войсках.

Начальники, воспитанные Суворовым, передали его дух и систему последующему поколению. Россия, двенадцать лет после Суворова, вступила в борьбу отчаянную; вопрос шел о том – быть или не быть. Дух Суворова витал в рядах Армий и как Ангел-хранитель чести Русского оружия – воспрянул при самом начале войны. Нужно было отступить; все знали, что в военном словаре Суворова этот глагол не существовал; всем казалось, что отступление Русского перед Французом омрачит память Великого. Боясь изменить ему, подозревали измену в других... Бородино, наконец, примирило с тенью великого соотечественника...

Но могут сделать вопрос: когда и где Суворов трудился в деле образования войск? На это отвечаем – везде, где только находился он. Берега Кубани, Херсон, Кременчуг, Тульчин и проч. были его Булонью. Приведем здесь один из фактов неутомимого его трудолюбия. В путешествие Императрицы в 1787 году в южные области Суворов командовал двенадцатитысячной дивизией пехоты, кавалерии и казаков в Кременчуге, куда он прибыл в конце 1786 года. В течение весны следующего года он обмундировал и обучил дивизию. Императрица [14] удостоила Суворова своим присутствием при маневрах ее. Все движения исполнены были с быстротою и точностью, невиданной до того времени в Русских войсках. Сопровождавшие Императрицу иностранцы пришли в удивление, а Ее Величество в такой восторг, что раздала щедрые награды всем начальствовавшим войсками и, обратившись к Суворову, спросила: «А вас, генерал, чем могу наградить?» Он отвечал: «Прошу, Ваше Императорское Величество, заплатить три рубля за мою квартиру». Такой ответ Суворова изумил окружающих Императрицу более чем самые маневры.

Имя Александра Васильевича Суворова пребудет для Русского человека навсегда драгоценно; чем более будем изучать жизнь его, тем с большим убеждением признаем в нем стража нашей народности, величайшего полководца и великого администратора.

Описание действий Суворова в ночных экспедициях на г. Туртукай с 9-го на 10-е мая и с 17-го на 18-е июня.

Конгресс Букарестский длился. Граф Румянцев, предвидя развязку его, представлял Императрице, что, по состоянию войск и затруднениям, сопряженным с перенесением войны за Дунай, он не ручается за успех кампании 1773 года, и потому просил усилить армию. В феврале месяце, когда Действительный Тайный Советник Обрезков предупредил Графа Румянцева иметь войска в готовности к продолжению войны, в армию еще не прибыло много рекрут, и полки были заняты построением одежды. Таковое положение [15] армии крайне озабочивало Главнокомандующего. Не находя возможным совершить в будущую кампанию со своими небольшими силами славных подвигов, Граф Румянцев полагал, что операции за Дунаем не будут иметь никакой цели, ибо не могло быть чувствительно для неприятеля, который в летнюю пору везде мог стать лагерем; а, между тем, всякий поиск нам стоил бы больших утрат в людях. Опасение при неудаче затмить свою славу немало охлаждало энергию героя Кагула к возобновлению войны. Вот как писал по сему случаю Румянцев Обрезкову в письме от 13 февраля 1773 года. «Бой ваш политический; в самом пылу разгара имеет средство к своему утолению; но наши схватки кровопролитны; раз опрокинутый их тяжестью, редко поднимается на ноги, и решенные одним сражением не возникают целые века. Битвы военные и способы к тому явны всей публике, и, следовательно, суд и обвинение тут неизбежны; оправданиям едва ли бывает место.... но связь и пружины сил ваших и их действия скрывают кабинеты от всякого проницания для других».

Охранение провинций, приобретенных войною предшествующих лет, посредством расположения 36-ти тысячной армии на 750 верст по Дунаю, казалось трудным Графу Румянцеву. Завоевание сих областей стоило немалых усилий Государству; предшествующие кампании упрочили ему славу Главнокомандующего и приутоновили для наступающей Армии превосходное основание действий; но Румянцев полагал, что одна и та же армия не могла наблюдать на Дунае и действовать наступательно. Когда же наконец Императрица настоятельно [16] повелела перейти Дунай, если не со всею армией, то с частью оной, тогда это повеление поставило Главнокомандующего в крайнее затруднение. Двинуться за Дунай со всею армией и обнажить левую сторону реки от войск было опасно: неприятель мог направиться в тыл и лишит армию способов к пополнению магазинов. Принять в непосредственное свое командование корпус и с ним открыть военные действия за Дунаем, не слагая звания Главнокомандующего, значило бы поставить себя в положение частного начальника. Поручить корпусам Генерал-поручика Графа Салтыкова и Генерал-Майора Потемкина, стоявшим на Дунае против Шумлы, произвести нападение на лагерь визиря, а Генерал-Майору Вейсману приказать в то же время сделать диверсию от Измаила к Базарджику противу Абды-паши, в облегчение действий сих корпусов представляло также немало затруднений: в двух первых корпусах пехоты было не более семи тысяч, а в перевозочных судах столь большой недостаток, что и это число войск не могло быть вдруг переправлено на противный берег; притом атака укрепленных пунктов, Рущука и Силистрии, из коих гарнизон последнего состоял из восьми тысяч, казалась довольно сомнительной, а для отряда Вейсмана предстояло продолжительное движение во

внутри страны мало известной. Сверх того, обычай Турок удаляться заблаговременно в горы мог привести к тому, что лишь только наши войска перейдут Дунай, неприятель с одной частью укроется в Балканы, а другою усилит гарнизоны означенных пунктов, и тогда овладение ими могло быть куплено лишь весьма дорогою ценою. Предположив даже [17] полный успех означенных предприятий, эти корпуса все-таки по малосилию их не могли остаться на правом берегу, но должны были перейти Дунай обратно, чем неприятель не замедлил бы воспользоваться; ближайшим последствием того было бы возвышение упавшего духа в Турках, а впоследствии соединение с ними не только Татар, им постоянно преданных, но и других народов, которые наверно последовали бы примеру Татар, если не по убеждению, то по внушению страха и привычке к игу. При неудачной атаке наших войск на те же пункты могли произойти еще пагубнейшие последствия: вторжение Турок в Валахию от Турна и Виддина на нашем фланге и действия при пособии жителей в тыл нашей оборонительной линии, пролежавшей по Дунаю.

Что касается до главных сил армии, занимавших Молдавию, то они не могли поспеть на выручку своих войск - ни к Силистрии, ни к Рушуку – по значительному отдалению их от этих пунктов; вывести же их из Молдавии с целью сближения с корпусами Потемкина и Салтыкова нельзя было по неимению сведений о намерениях неприятеля, между тем как эти войска, оставаясь между Прутом и Серетом, составляли центральный резерв для всей оборонительной линии Дуная и своим положением, давали возможность парализовать действия Турок и лишать их всякой возможности действовать с успехом на левой стороне Дуная.

Таковы были мысли Румянцова насчет действий за Дунаем. Не решаясь взять на свою ответственность составление плана кампании или не имея доверия к собственным своим средствам, он представил все [18] свои предположения на усмотрение Императрицы и, в ожидании Высочайшего соизволения, предписал войскам производить демонстрации вторжений за Дунай и усилить во всех корпусах наблюдение за противным берегом реки.

В конце Букарестского конгресса вторая дивизия имела следующее расположение: отдельный отряд генерал-майора Текелли занимал Малую Валахию, имея главную свою квартиру в Крайове; войска были расположены на квартирах, а Донские полки на кордоне по левому берегу Дуная, от Австрийской границы до устья Калмацуя, на протяжении 300 верст. Силы этого отряда простирались до 3-х тысяч, в том числе: пехоты под ружьем 1740, регулярной кавалерии на коне 620 и Донцов 870 человек. Начальник дивизии, граф Салтыков, а, за отъездом его из армии, командовавший дивизией до 25 марта генерал-майор князь Трубецкой квартировал в Букаресте; дивизия была расположена на квартирах между реками Ольтою и Яломицею, имея кордон по Дунаю от устья Калмануя [19] до р. Мостица на протяжении 150 верст. Силы дивизии, со включением отряда генерал-майора Текелли и всех гарнизонов в Валахии, простирались до 17,000. В том числе считалось: в семи регулярных кавалерийских полках на коне 3,510; в десяти пехотных полках под ружьем 6,500; в пяти Донских и одном новонабранном полку 2,500 и Арнаут 500 человек. Крепость Турно находилась во власти Турок, а потому левый берег Ольты при устье ее и Дунай ниже Турна не были под наблюдением нашего кордона.

Независимо от войск второй дивизии, вниз по Дунаю, от р. Мостица до р. Серета, стоял корпус генерал-майора (произведенного вскоре в генерал-поручики) Потемкина, имея квартиру в Ликорештах против Силистрии. Кордон его стоял по Дунаю между означенными реками на 200 верст. Сила корпуса, со включением Браиловского гарнизона, состояла в 10,000, и в том числе было: пехоты под ружьем в шести полках и одном егерском батальоне 4,200; кавалерии в пяти регулярных полках на коне 2,000, один Донской полк и 2,200 Запорожцев. В этом исчислении сил включены и рекруты. Генерал-майор Потемкин, соприкасаясь своим правым флангом со второю дивизией

Негештским постом, находился в сношениях с командиром сего поста и с начальником второй дивизии. Комендант Браиловской крепости, непосредственному наблюдению которого поручено было течение Дуная между р. Яломицею и Серетом, был подчинен генералу Поптемкину.

Во время перемирия начальники означенных корпусов занимались обмундированием войск, обучением [20] присланных в армию рекрут и разведыванием о состоянии неприятеля, владевшего правым берегом Дуная, о всех изменениях в силе и положении его, и о том, где и для чего годные имелись у Турок суда. Кроме того, генерал-майору Текелли поручено было от фельдмаршала узнать о расположении к нам жителей Сербии и о готовности их действовать с нами против врагов и утеснителей христианства. Не было также упущено из виду собрание сведений о том, сколько Сербия может выставить войска, и в каком размере можно рассчитывать армии на способы края. В феврале главнокомандующий, приказав войскам изготавиться к движению за Дунай, сообщил князю Трубецкому и генералу Текелли основные предположения свои на счет предстоявших действий второй дивизии и потребовал от них объяснения – как они намерены, по соглашению между собою, привести их в исполнение.

Мысли графа Румянцева заключались в следующем: войска, действующие в Валахии и Банате, привлекают на себя неприятеля с той целью, чтобы способствовать действиям других частей армии. Для этого, кроме демонстраций, дозволяется им производить действительные поиски на противную сторону. На усмотрение начальствующих предоставлялось переходить Дунай или избирать позиции в отдалении от берега; в последнем случае они обязаны были не возбранять неприятелю переход чрез реку, но отрезывать его при обратном движении. Избрание постов для поисков над неприятелем и сами меры к исполнению возлагались на искусство, благоразумие и взаимное согласие начальников. Но было подтверждено, чтобы они, при [21] действиях своих, старались отвлекать внимание неприятеля на другие пункты их расположения и не подвергали опасности ни собственных своих сообщений, ни путей, ведущих к Дунаю от Букареста и Слатина, где были устроены госпитали, рекрутские депо, магазины и разные запасы, и, наконец, чтобы они не допускали неприятеля проникать в занимаемые ими провинции; охранение Валахии и Баната вообще поставлено было главным предметом действий для второй дивизии.

Представленные затем предположения князя Трубецкого главнокомандующему состояли в следующем: на всем пространстве течения Дуная, находящемся под наблюдением кордона от войск второй дивизии, важнейшим Турецким постом почитал он крепость Рушук, а за нею, по относительной важности, посты: Фиштовский, Туртукайский, крепость Турно и против нее г. Никополь. По прекращении перемирия, ежели не воспрепятствует суровость времени и с ним недостаток в подвижном корме, генерал-майору Текелли с корпусом перейти на левую сторону р. Ольты, придвинуться к крепости Турно и показывать неприятелю намерение овладеть этой крепостью; в то же время другому отряду предпринять действительный поиск на Туртукай, если только генерал Потемкин отделит часть своей флотилии из Ликорешт в устье р. Аржиша. Сам же князь полагал приблизиться с прочими полками дивизии к крепости Журже, посадить в Капобаронешти на имевшиеся при той крепости суда 2,000 пехоты с орудиями, сделать с этим отрядом нападение на Рушук и при успехе распространить свои действия на Фиштов, Никополь и [22] Турно. Употребить более 2,000 пехоты для означенной экспедиции князь Трубецкой не находил возможным, по недостатку судов, и потому еще, что остальные войска предназначались на охранение левого берега Дуная и на поддержание отряда в случае ретирады.

Со своей стороны генерал-майор Текелли, не признавая возможным заградить неприятелю доступ в Банат со своим небольшим корпусом на протяжении 300 верст полагал Дунай в Банате не переходить, а для сближения с дивизией избрать позицию за

р. Ольтою при Рущуке, но вступить в оную, по причине недостатка в фураже за Ольтою, он предполагал не прежде, как с появлением подножного корма, а до того времени остаться в Банате, обеспечить свое сообщение с левым берегом Ольты занятием Слатина и охранением тамошней переправы, стянуть войска в Краиову, направляться оттуда к тем пунктам кордона, которым стала бы угрожать опасность, отрезывать от Дуная вторгнувшиеся партии Турок и истреблять их.

Главкомандующий, к удовольствию своему усмотрев, что мнения частных начальников согласуются с его собственным, представленным на Высочайшее одобрение, составил уже к тому времени общий план действий для предстоявшей кампании. План соображен был с относительным положением неприятельских сил и крепостей правого берега Дуная. Операционною линией избрана дорога из Силистрии к Шумле. Овладение Силистрией корпусом генерал-поручика Потемкина должно было быть началом действий на правой стороне Дуная; а чтобы заставить неприятеля [23] в тоже время держать свои силы рассеянными на правом берегу, генерал Вейсман с нижнего Дуная должен был предпринять диверсию к Базарджику. а граф Салтыков, присоединив к себе отряд Текелли из верхней Валахии, переправиться чрез Дунай и овладеть Рущуком. Затем, как он, так и генерал Вейсман, выйдя на соединение с главными силами, должны были продолжать дальнейшие действия от Силистрии к Шумле.

На основании сего плана, войскам в Валахии предписано: учредить резервы в пунктах удобных для подкрепления передовых постов, вступить в лагерь, как только позволит время, наблюдая, чтобы места, избираемые для лагерей, кроме хороших позиций, представляли удобства отражать неприятеля, переходящего Дунай в значительных силах, содержать сообщение со смежными корпусами и отрядами и охранять свой тыл. Генералу Текелли, при первой возможности к движению, оставить на кордоне легкие войска с резервами, выйти из Баната и занять позицию на левой стороне Ольты. Обсервационным отрядам на верхнем Дунае, в случае нападения Турок в превосходных силах, отступать или в горы, или к р. Ольте, а высылаемым затем подкреплениям от дивизии отрезать от Дуная неприятеля, далеко в край вышедшего, и истреблять его.

Удаляясь за Ольту, Генерал Текелли обязан был скрыть настоящую цель своего движения и предпринять маневр, который давал бы неприятелю вид нападения на него из Баната. Для укрытия от неприятеля наших намерений все жители страны между Дунаем и наблюдательной цепью были удалены, и сообщение с правым берегом прервано. [24]

Изъясненные распоряжения Румянцева были только в половину исполнены Салтыковым. Не озаботившись в течение Апреля и Мая заготовлением перевозочных способов, Граф Салтыков не думал предпринять переправы чрез Дунай и объяснял свое бездействие на левом берегу то недостатком судов, то необходимостью соображать переправу свою с успехом действий главных сил против Силистрии. Когда же и после сего Фельдмаршал предписал непременно перейти Дунай, то Салтыков позволил себе высказать Главкомандующему, что он не признает никакой пользы в действиях на правой стороне Дуная. Граф Румянцев, ограничиваясь вначале замечаниями, что неприлично оставаться второй дивизии в бездействии, когда вся армия несет труды, называл Салтыкова осторожным генералом, хотел сам поехать к дивизии, напоминая ему о долге его подчиненности и, наконец, вынужден был довести до сведения Императрицы о неточном исполнении его повелений начальником второй дивизии.

Следуя обыкновенной на войне системе – предоставлять искусству и благоразумию Начальствующих исполнение какого-либо отдельного предприятия – Граф Румянцев не давал подробных инструкций и не связывал Начальствующего буквально предписаний, а ограничивался указанием цели предприятия и изложением предначертаний в основных идеях. Исполняющий, имея много свободы

для соображения на месте своих действий, поступал или сходно своему характеру, или соображался с образом мыслей Главнокомандующего. Такой способ управления войсками имел свою хорошую сторону для генералов, каковы [25] были Суворов, Вейсман, Каменский и Игельшторм, которые, отвергая чуждые Русскому характеру, отжившие уже свое время войны маневров и кордонной системы, могли под начальством Румянцева находить случаи к отличиям и быстрому возвышению на ступенях военной иерархии. Действия Суворова в эту кампанию, когда он не был связан зависимостью от других, доказывают самобытность его гения и обращают на себя внимание как решительностью, так и искусством соображений. С этого времени Суворов делается известен Румянцеву как искусный Генерал и пробуждает зависть в сослуживцах.

После перемирия вторая дивизия была в следующем положении. Генерал Текелли оставался в Банате на квартирах до появления подножного корма. Донцы и Арнауты, содержавшие наблюдательную цепь по Дунаю, были подкреплены постами из регулярных войск, расположенными таким образом. В Слатине, под командованием подполковника Мисюрева, один егерский батальон подполковника Мещерского, две гренадерские и две мушкетерские роты с двумя орудиями. Пост этот имел назначение охранять Слатин, как пункт, где находились сухарные магазины, транспорты, прибывшие из Букареста, и переправа чрез Олту, и служить резервом Каракальскому и Рушведскому постам. Последний был в команде у майора Шенка и состоял из одного эскадрона Гусар, Донского полка Дячкина и пеших Арнаут. Пост этот, находясь против крепости Турно, обеспечивал сообщение постов Банатских [26] с постами второй дивизии, начинавшимися влево от Калмацуя, и наблюдал пространство между Ольтою и Дунаем, в углу которого лежала крепость Турно, еще бывшая во власти Турок. При нападении неприятеля Рушведский отряд мог получить подкрепление от подполковника Мисюрева из Слатина и от поста подполковника Тутлинга, выставленного при устье р. Телиормана от второй дивизии.

Прочие посты в Банате были:

В Каракале против Оревы один эскадрон пикинер и Донской полк Исаева. В Черое против Виддина: один пикинерный эскадрон, Донской полк Сычева и Арнауты. В Страгае против Чернца и Кладовы: два пикинерных эскадрона, казаки и Арнауты.

У князя Трубецкого легким войскам в цепи посланы подкрепления; дивизия, стянутая к Букаресту, находилась в полной готовности к выступлению.

Посты, от второй дивизии выставленные, были: близ устья Телиормана, в Журже и Нигоештах. Полковнику Петутлингу вверен был первый пост (Зимницы и урочище Беуль) против Фиштова. Этот пост, состоявший из шести рот пехоты и двух орудий, служил резервом кордону, протянутому Арнаутами и Дрнскими казаками полков Агеева и Яновского, от устья Калмацуя, влево берегом Дуная, до Журжевского редута, не доходя 10 верст до сел. Слободзеи. На него возлагалось наблюдение за неприятелем на противоположном берегу, подкрепление поста Рушведского и сношение как с ним, так и с комендантом Журжи. Ближайшим пикетом на р. Калмацуе к посту майора Шенка было селение Петре, занятое майором Богдановым с Арнаутами. Комендант [27] Журжи, Командир Ингерманландского полка полковник Бекельман командовал кордоном, который содержался на вербованным из Польских провинций полком на протяжении от Журжевского ретраншаменты до устья р. Аржиша. Пикет майора Кашперова, находившийся между Журжею и Аржишем, был в заведывании Коменданта Журжи.

Полковнику Батуруну поручено охранять Негоштский и Обилештский посты, служить подкреплением кордону, выставленному от Аржиша вниз по Дунаю и вверх по р. Мостище до Обилешт, и иметь сношение вправо через Кашперова с полковником Бекельманом, а влево с генерал-поручиком Потемкиным. Сила Негоштского поста

простиралась до 2,296 человек. В том числе было под ружьем Астраханского пехотного полка 1,360; карабинер на коне, от двух эскадронов Астраханского же карабинерного полка, 180; Донского Леонова полка казаков 480; 5-ть Турецких и 2 полковых орудия. Негоешты – дурно укрепленный монастырь на левой стороне Аржиша, в 20-ти верстах к северу от Туртукая, служил связью войск генерала Потемкина со второю дивизией и находился на оконечности фронта действий предпринятых для овладения Силистрией.

Это обстоятельство и другое, что Дунай пред Туртукаем, имея ширины не более 300 сажень, представлял более удобств к переправе в сем месте, нежели на других пунктах, дали Негоештскому посту и против него лежащему городу Туртукаю стратегическую важность и привлекли внимание обеих сторон. Турки в Туртукае, а наши в Негоештах, усиливали отряды с разными намерениями: Турки – для перехода [28] чрез Дунай, с целью сделать поиск на нашу сторону, а Русские – для демонстрации в покровительство генералу Потемкину, открывавшему тогда свои действия против Силистрии.

Чтобы еще лучше наблюдать за изменениями в положении неприятеля в Туртукае и отвлечь его внимание от приготовлений к переправе генерала Потемкина полковник Батурич 15-го Марта двинулся со своим отрядом от Негоешт вниз по Аржишу и расположился лагерем в виду Туртукая во 100 саж., не доходя до берега реки. Растягивая фронт лагеря и скрывая фланги в лощинах, полковник Батурич старался выказать неприятелю свои войска сильнейшими, нежели они были в действительности. В то же время майор Кашперов с партиями казаков беспрестанно производил движения по правой стороне Аржиша и тем содействовал Батуричу в обмане неприятеля. Сверх сих демонстраций, сделаны разглашения о намерении нашем ударить на другой берег. От Журжи по Дунаю и течению Аржиша спущены были плоты и лодки; по ночам производили шум и крик в устье Аржиша, чтоб уверить неприятеля в деятельности, с которой готовилась экспедиция. В Дунай с намерением пущено несколько бревен, как бы унесенных водою; с ближайших деревень собраны жители под предлогом употребления на суда за гребцов, но им допущено было разбежаться в первую затем ночь, как бы по оплошности наших караулов. Наконец – в довершение всех этих демонстраций генерал Потемкин намеревался провести лодки с гренадерами из Ликорешт в Аржиш и для сопровождения их [29] берегом Дуная взял из Негоештского отряда 100 доброконных казаков; но не успев в том по причине сильных ветров и бурь на Дунае, отказался вскоре от исполнения своего поиска на Силистрию, а полковнику Батуричу предложил возвратиться в Негоешты.

Таким образом, бесплодно окончившаяся деятельность Негоештского отряда внушила неприятелю большие опасения за Туртукаю. Турки с сего времени стали строить около города батареи, ставить вблизи его лагеря, усиливать занимавший его отряд и начали почти ежедневно делать вылазки на наш берег и нападать на посты кордонов Негоештского и Жужевского.

Князь Трубецкой, ожидая от неприятеля сильной диверсии в эту часть своего расположения, начал также усиливать посты левого своего фланга, а чтобы до времени не обнаружить того неприятелю приказал на правом фланге майору Богданову сделать рекогносцировку неприятеля в направлении к крепости Турно и напасть на ближайшие посты. Майор Богданов 15-го Марта атаковал посты во Фламунде и Магурынах, причем убиты 23 Турка и отогнано до 50 штук скота.

В таком положении были дела на верхнем Дунае. 25-го марта прибыл к дивизии Граф Салтыков и, несколько дней спустя, получил от графа Румянцева предложение сообразить: каким образом произвести нападение на лагерь Визиря, который, находясь под Шумлою, был ближе ко второй дивизии, нежели к прочим войскам Русской армии; как овладеть Рушуком и открыть наступление из Валахии [30] на правую сторону Дуная и где по овладении Рушуком удобнее соединиться с корпусами, направленными к Шумле от Силистрии, по взятии этой крепости, и с нижнего Дуная; какие принять

меры для отрезания Визирю отступления; сколько времени потребно на приготовление к такой экспедиции, и как обеспечить собственное отступление в случае отражения от Рущука? Потемкину и Вейсману, как предназначенным, первый для поиска на Силистрию, а последний для диверсии к Базарджику и отрезания Абды-Паши от гор, сделаны подобные же вопросы.

Между тем, к прежним известиям о усилении неприятеля против левого фланга второй дивизии получены новые, что в крепости Турно отправлено подкрепление из Никополя, а у жителей правого берега отобраны суда и собраны под крепостью; что значительное число подвод в то же время потянулись к Шумле для поднятия тяжестей армии Визиря, и что последний намерен от Шумлы перейти в Плевно. Эти известия должны были привести к двум заключениям: или Визирь займет позицию под прикрытием Рущука, Виддина и Никополя с целью лучшего обеспечения своего стана, или имеет в виду, собрав все войска, вторгнуться через один их сих пунктов в Валахию. Граф Салтыков склонялся более на последнее заключение, а как к тому еще не проходило дня, чтобы Турки не показывались где-нибудь на левом берегу между Аржишем и Ольтою, и особенно против Журжи, то он утвердительно определял намерение Турок вторгнуться в означенное пространство.

В таком положении дел Граф Салтыков, [31] признавая опасным отлагать на дальнейшее время присоединение отряда генерал-майора Текелли к главным силам дивизии, приказал подкрепить Рушведский пост, обеспечивавший это соединение егерским батальоном подполковника Аршеневского и эскадроном гусар. Сам же он с дивизией выступил из Букареста в конце Апреля и расположился лагерем в позиции у Станешт в виду противного берега, имея пред собою Рушук, а влево Туртукай – пункты, откуда он наиболее ожидал дебуширования Турок на левый берег Дуная. Заняв эту позицию, Граф надеялся привлечь на себя внимание неприятеля, утвердить его во мнении о намерении нашем действовать из Журжи на Рушук (что, впрочем, имелось в виду на будущее время) и тем скрыть предположенный поиск на Туртукай в левой стороне, и движение генерала Текелли из Баната в правой.

Генералу Текелли предписано: оставив в Банате легкие войска под начальством полковника Уварова, перейти Ольту, занять позицию у Рушведе и иметь под особенным наблюдением скопившегося в Турно неприятеля.

Находившийся у Рушведе пост подполковника Аршеневского переведен к устью Телиормана на место отряда подполковника Пеутлинга, который оттуда подвинут влево к Кокольцу, и поручен премьер-майору Брянчанинову. Аршеневскому приказано делать демонстрацию приготовлений для поиска на Фиштов; в случае нападения на него Турок, майор Брянчанинов должен был поддержать его.

Граф Салтыков, заставляя генерала Текелли растянуть наблюдательные посты до Кокольца, ослаблял его и со своей стороны охотно придвинул бы дивизию [32] вправо для сближения с ним, если б не имел в виду расположением в лагере против Рущука прикрывать Букарест, где находились магазины, госпитали и рекрутские депо. Сверх того – движением к реке Ольте он отклонился бы от первоначальной цели.

Полковнику Уварову к бывшим у него двум эскадронам пикинер в Крайове присоединен егерский батальон; ему поручены все посты Баната до реки Ольты и управление краем. В силу данной инструкции, действия в Банате должны были состоять: в демонстрациях переправы через Дунай и быстрых передвижениях отряда с места на место с целью укрывать, сколь можно более, от неприятеля вывод отряда генерала Текелли из Баната. От малых турецких партий полковник Уваров должен был отбиваться, от больших уходить во внутрь края, а с поданием помощи из-за Ольты снова возвращаться на прежние посты.

В начале Апреля генерал Потемкин представил Фельдмаршалу, что для покорения Силистрии необходимо предпринять формальную атаку, требовал осадной артиллерии и усиления своего корпуса. Главнокомандующий, признавая

затруднительным перевозить через Дунай осадную артиллерию на малых судах, опасался за потерю оной при неудаче, и зная притом, что запас зарядов при армии незначителен, приказал Потемкину оставить виды на Силистрию, а заняться поисками и приобретением постов на правой стороне Дуная, что и было исполнено 24 Апреля занятием Гирсовского поста.

Это обстоятельство не изменяло, однако, немало [33] предначертанных операций. Главные силы должны были переправиться чрез Дунай ниже Силистрии, генерал-майор Вейсман – прибыть туда от Карасу, а генерал Потемкин – из своего расположения под Силистрией. Затем этим корпусам назначалось действовать общими силами против Силистрии.

Диверсия генерал-майора Вейсмана, предпринятая в Мае месяце с нижнего Дуная, могла не иметь успеха и быть гибельной, хотя ручательством в удаче Главнокомандующему служили испытанное мужество, опытность и военные дарования начальствующего отрядом. Несмотря на это, Турки могли не только стянуть против Вейсмана свои силы, бывшие в этом крае, но даже отозвать туда часть гарнизона Силистрии; всего же более опасался Фельдмаршал, чтобы сам Визирь не бросился на Вейсмана из Шумлы. Справедливо тревожимый этим предположением, Главнокомандующий в то время сам начал движение к р. Яломице, но с каждым переходом вперед, удаляясь от нижнего Дуная, лишался возможности подать помощь Вейсману. Положение сего генерала в случае поражения было самое критическое: не имея на нижнем Дунае для обратной переправы ни судов, которые были посланы вверх по Дунаю, на усиление перевязочных способов главных сил, ни опорного пункта на правом берегу реки, отряд Вейсмана мог быть истреблен, и тогда рушились бы все соображения Фельдмаршала. В таком состоянии дел Главнокомандующему оставалось одно: угрожать неприятелю на среднем и верхнем Дунае, дабы не дозволить ему обратиться против [34] Вейсмана, и поэтому Графу Салтыкову еще до открытия движения генералом Вейсманом предписано было придать, сколько можно более, его распоряжениям вид решительных приготовлений к переходу через Дунай и развлекать внимание неприятеля экспедициями на противную сторону. Таково было общее значение и цель поисков, произведенных от второй дивизии: 10-го Мая - на Туртукай генерал-майором Суворовым, 14-го Мая - засада генерал-майора Текелли у Калмацуя, и поиск на крепость Турно; 15-го Мая – неудачный поиск полковника Князя Репнина на правую сторону Дуная, на Турецкий лагерь у д. Марутино и Табан ниже Рущука, и, наконец, менее значительные поиски: 8-го Мая – полковника Штакельберга от Слободзейского редута; 9-го Мая – экспедиция полковника Дурново из крепости Журжи; 10-го Мая – капитана Шутица; 11-го Мая – майора Дивова и 12-го – капитана Аржевитенова.

В то время, когда Граф Салтыков небольшими переходами подвигался к позиции Станештской, на р. Дымбовице, впадающей в Аржиш близ Негошет, кипели работы. Там, в течение 10 дней, построено было вновь 10 судов и исправлено 7 найденных у жителей. Эта флотилия могла поднять от 600 до 770 человек.

В деревне Фрасен, на марше дивизии, Граф Салтыков дал приказание Суворову отправиться в Негоешты и поспешить сколь возможно производством нападения на Туртукай. Суворов прибыл в Негоешты 5-го Мая и тотчас приступил к исполнению возложенного на него поручения. Собрав сведения о состоянии неприятельского отряда в Туртукае, [35] о положении города и его окрестностях, он хотел в ночь с 7-го на 8-е Мая выступить из Негоешт к урочищу Ольтеницы в 3-х верстах пред Туртукаем, но встретившиеся обстоятельства заставили его отложить свое предприятие до 9-го Мая. Турки против устья Аржиша имели одно судно на якоре, вооруженное пушками. Суда наши, выходя из устья р. Аржиша в Дунай, должны были проходить под неприятельским огнем. Суворов, чтобы скрыть до времени свою флотилию и избежать

замешательства в прибытии судов к месту, где отряд должен был произвести амбаркацию, предполагал перевести их на подводах.

Между тем, спущенные к Негоештам 17 лодки приводились в готовность к амбаркации. За неимением вблизи Негоешт жителей, выбраны в гребцы люди из Астраханского пехотного полка и распределены по судам; поделаны сходни, заготовлены шесты, бечевы, багры и проч. Начальником флотилии поставлен был поручик Капорского полка Палкин, который привел суда из р. Дымбовицы. Все приготовления производились деятельно и осторожно, не упуская из виду ни малейшего обстоятельства.

Другая причина, заставившая Суворова отложить экспедицию, заключалась в неприбытии командированного в Негоешты на усиление его отряда полковника Князя Мещерского с остальными 3-мя эскадронами Астраханского карабинерного полка. 8-го Мая Князь Мещерский прибыл, подводы собраны, дороги осмотрены, и Суворов повел свой отряд в ночи с 8-го на 9-е Мая к Аржишскому редуту при урочище Ольтенице; туда же спуститься должна была и флотилия. [36]

Число войск отряда не превышало 1,950-ти человек; боевая сила состояла в 760 человек пехоты под ружьем, 370 карабинер на коне, 480 казаков, 4 полковых и 3 Турецких орудий. Полки: Астраханский пехотный, которым некогда командовал Суворов, астраханский карабинерный, Донской Леонова и небольшая команда новонабранного полка из жителей Польских областей.

За отделением части пехоты в гребцы и для охранения судов, под ружьем оставалось не более 500 человек. С этою-то горстью людей Суворову предстояли: амбаркация, переправа, десант, атака крутого берега, переход многих рытвин и оврагов, взятие 4-х батарей, штурм трех лагерей и города и, наконец, бой на каждом шагу с неприятелем, в шесть раз превосходившим его силами! Притом все эти действия должно было совершить в темноте ночи с начальниками, которых он не знал, с отрядом, только что поступившим в его командование. Военная история вообще представляет весьма немногие примеры ночных действий и в том числе более неудачных случаев. Предприятия сего рода почитаются труднейшим делом войны. Для самого Суворова в последствиях Туртукайского дела не могло быть середины: ему надобно было или возвратиться победителем, или умереть. Что бы случилось с его возникавшей известностью при неудаче? Какой бы Начальник решился бы впредь довериться Генералу, который обесславил бы себя безрассудством и запальчивостью? Кто бы еще мог положиться на ум и познания Суворова, если бы он на первом шагу испытания не обнаружил ни того, ни [37] другого? Может быть мысли Суворова рисовали подобную картину; может быть под впечатлением их послал он Графу Салтыкову две записки 7 и 8-го Мая.

Набрасывая свои соображения для будущей экспедиции, он в одной из них говорит: «Как ни думать – только верьте, Ваше Сиятельство, что пехоты мало! Я начну, да как? стыдно сказать. Comment avaturerai je ma poignée de Cavalerie de l'autre cote et quand arrivera-t-elle ? J'ai écrit à M. Potemkin qu ;il fasse allarmer Tourtoukay au dos par un gros de ses troupes legeres vers ce temps – la. Mais à cela il n'y a pas de possibilité !» Можно догадываться, что Граф Салтыков, отказав Суворову в усилении его отряда пехотою, советовал потребовать от генерал-поручика Потемкина судов, переправить на них кавалерию и послать ее в обход для нападения на Туртукай с южной стороны, ибо во второй своей записке Суворов, высказав еще раз свое мнение о малочисленности пехоты: «Все мне кажется – пехоты мало», прибавляет: «от Потемкина ни о чем не надежен. Судов его долго ждать»; и потом, как бы в момент решительности исполнить задуманный поиск, мысли его то переносятся на Туртукайскую местность, то снова останавливаются на том же предмете: «Вот что до пехоты: у них в Туртукае рытвины, дома, пушечки... Все хорошо! как Бог благословит! а пехоты кажется мало!»

Очевидно, что Суворов не упустил из виду ни одного обстоятельства, которое могло облегчить предстоявшие ему действия. Потемкина просил он послать кавалерию для обеспечения города с тылу, [38] в то время, когда он откроет сам действительную атаку со стороны реки.

Потемкин, исполняя просьбу вполнину, отвечал Суворову, что, для облегчения предприятий на Туртукай, он в ночь с 7-го на 8-е Мая отправит Запорожцев в деревню, лежащую в четырех часах марша выше Силистрии с тем, чтобы схватить находящийся там Турецкий пост.

Диспозиция, отданная Суворовым для Туртукайского ночного нападения, заключала в себе распоряжения трех последовательных действий: переправы, атаки и возвращения на левую сторону Дуная. Она прилагается здесь в подлиннике.

Стиль этой диспозиции таков же как и прочих нам известных диспозиций нашего героя. Суворов здесь весь налицо с его лаконизмом, с его знанием русского солдата и с его тактикой.

I.

1. «Переправа будет ниже Туртукая верстах в трех. Прежде переправляться пехоте, по ее двум кареям, одному за другим ; потом резерву. Две пушки, по причине неровного тамошняго местоположения, должны оставаться при резерве, и бить сначала сзади. При кареях командиры: в первом г-н Полковник Батрин, во втором Подполковник Мауринов, в третьем Майор Ребок (резерв).

2. Г-н Полковник Князь Мещерский командует на здешнем берегу, и после пехоты, что может быть, останется во второй транспорт, переправляет конницу – то есть: прежде казаков, потом карабинер; [39] однако, ежели будет благопоспешно, то при казаках несколько карабинер. Хорошо ежели можно: люди на лодках, коней на подводах вплавь, а буде нет, то на лодках, поелику то можно и нужда будет. Впрочем, кавалерия останется на берегу, разделяя оную и маскируя по его усмотрению, а казачьими пикетами Леонова тянет цепь к казакам Кашперова.

3. На здешнем берегу, для закрытия наших судов, разбивания, как и поражения неприятельских, кои бы в переправе препятствовать покусились, батарея: два единорога и две пушки (ядра бьют далее, а гренадеры жгут); при сей батарее Кирилов. Пушки должны быть поставлены в способнейших местах и радельно: для крестных выстрелов и оказания большего числа артиллерии – зависит от благоустройства г. Полковника Князя Мещерскаго. Пехоты при артиллерии надлежащая часть. На этой стороне при выгрузке пехоты по рассмотрению.

4. За исправность судов и поспешность в переправе отвечает г-н Палкин. Г-н Полковник Князь Мещерский всему благопоспешествует.

II.

1. Атака будет ночью с храбростию и фурией Российских солдат. Разстройки³: против праваго неприятельскаго положения, где у них первый не знатный лагерь, потом, пробиваясь до пашинских палаток, где у них лагерь по меньше; а наконец и версты три оттуда далее, до их лагеря по больше. Батареи [40] их: при первом за рывиною, при пашинских палатках, и уповательно, что та батарея посильнее. Непременно надлежит ее сорвать, следуя до третьяго их лагеря.

2. Благопоспешнее ударить горою: один каре выше, другой в пол-гобы. Резерв по обычаю. Стрелки на две половины, каждая на два отделения. Первая с праваго каре, другая с леваго каре; с праваго: в пол-горы, вперед и бегом; с леваго: с боку и спереди.

Стрелки алармируют и тревожат. Каре обходят рытвину или проходят чрез нее где способно.

3. Переправляющаяся конница примыкает к резерву; казаки то же и могут выезжать на тревоженье и шармуширование, или примыкают к ближнему каре.

4. Резерв без нужды не подкрепляет, а действует сам собою как и оба каре.

5. Турецкия суда отрезывает и отбирает ближнее каре, или буде ближе – то резерв, и тотчас их спустить в устье Аржиша против Кашперова.

6. Пушки Турецкия отвозятся в резерв, чтобы каре в их быстроте ими задержаны не были, а тяжелые и неходкия остаются до времени особливо, ежели можно, срываются в воду. Заряды при пушках отвозятся также в резерв. Порох при пашинской квартире, ежели можно, отвозится к нашим судам и переправляется на сию сторону; буде не можно, то срывается в воду, дабы после от него не было вреда.

7. Как скоро г. Майор Кашперов услышит первый выстрел, то переправляет пеших казаков на [41] остров при командире, и тревожит весьма, тако ж и отводит.

8. Ежели г. Полковник Князь Мещерский заблагоусмотрит переправить пеших карабинер на ту сторону для действия к Туртукаю, предается в его волю. А когда Турки, между тем, учинят на судах, паче чаяния, какую вылазку на сию сторону, то их рубить, колоть и отрезывать.

Сия есть генеральная диспозиция атаки; прибавить к тому: что Турецкие собственные набегии отбивать по обыкновенному – наступательно, а подробности зависят от обстоятельств, разума и искусства; храбрости и твердости Г. г. командующих.

III.

1. Возвращение на сию сторону быть надлежит по окончании действия и разбитии Турок во всех местах.

2. Турецкую отбитую артиллерию, сколь возможно, ставить на суда, и к тому времени можно подвести наш паром, что у Кашперова будет в устье Аргиса, впрочем топить!

3. Прежде переправляется конница: карабинеры и казаки; а пехота стоит на выгодном месте для прогона Турецких набегов.

4. Между тем, Туртукай весь сжечь и разрушить палаты так, чтобы более тут неприятелю пристанища не было.

5. Весьма щадить: жен, детей и обывателей, хотя бы то и Турки были, но не вооруженные, мечети и духовный [42] их чин для взаимного пощажения наших Св. Храмов.

6. Потом переправляется и пехота. Да поможет Бог!»

Приближаясь в ночь на 9-е мая со всем своим корпусом к урочищу Ольтеницы, Суворов за час до рассвета получил известие, что Турки переправились чрез Дунай в значительных силах, напали на пикеты казаков и вступили с ними в дело. Вследствие сего Суворов, остановив свой отряд в лощине (см. план и описание плана), тотчас отрядил вперед эскадрон Астраханского карабинерного полка, приказав ему взять влево, а прочим четырем эскадронам того же полка следовать в подкрепление ему. Пехоте, перестроенной уже согласно диспозиции, дано приказание: майору Ребоку с резервом идти на подкрепление кавалерии к бывшему впереди между нами и неприятелем небольшому лесу, а двум кареям, полковника Батурина и подполковника Мауринова, быть в готовности направиться туда же для подкрепления резерва и кавалерии. Турки, высадившись в устье Аржиша и опрокинув находившиеся там казачьи пикеты, понеслись толпою на высоты правее леса. Не успев еще подняться наверх, они были атакованы с фронта и с правого фланга двумя эскадронами

Астраханского карабинерного полка (из коих один послан Суворовым, а другой введен в дело полковником Князем Мещерским) и казаками, опрокинуты и преследуемы до самого берега. Там, одни в страхе бросались на суда, другие тонули [43] в Дунае, а оставшиеся на берегу - частью изрублены, частью же взяты в плен.

Неприятель, обманутый демонстрациями Графа Салтыкова пред Руцуком и ожидая нападения Русских только с этой стороны, полагал Негоештский пост слабо занятым и решился на него напасть. Случилось, что Турки вышли на наш берег в то именно время, когда Суворов готов был сам двинуться к переправе.

Силы неприятеля, высадившегося на нашу сторону, состояли из 600 конных и 300 пеших. Убитыми насчитано 85-ть человек, не включая в это число тел, не найденных в высокой траве; потонуло еще более; в плен же взяты: предводитель отряда Бим-Паша, второй чиновник при Туртукайском Паше, два аги и шесть рядовых; по показанию пленных, в Туртукае находилось свыше четырех тысяч пехоты и конницы.

Суворов в тот же день писал Графу Салтыкову: «На здешней стороне мы уже их и побиили. Тяжело! пехоты у них пополам. Мы начнем в сию ночь и, может быть, диспозицию переменим». В записке, приложенной к рапорту, он восклицал: «Увы! пехоты мало! Карабинер чрезвычайно, да что им делать на той стороне!».

Диспозиция, однако, приведена была в исполнение без изменения.

Разделавшись с турками на левой стороне реки и предположив непременно в следующую ночь совершить задуманную экспедицию, Суворов рассчитывал успех ее столько же на внезапности появления на другой стороне Дуная, когда Турки наименее того ожидали, [44] сколько и на темноту ночи, скрывавшую слабость его сил. Перед вечером 9-го мая он взял с собою полковника Князя Мещерского, оставляемого для начальствования на левой стороне, объехал с ним берег Дуная, указал ему место, где должен стоять во время экспедиции Астраханский карабинерный полк, сам поставил 4 пушки, взятые от Астраханского пехотного полка выше амбаркационного пункта, и дал наставление Мещерскому, как действовать в случае нападения неприятельских судов на наши суда. Главное назначение Мещерского состояло в прикрытии наших судов и недопущении Турок на левую сторону реки. Майор Ребок получил приказание следовать с резервом от леса, где пехота находилась во весь тот день, по берегу реки Аржиша, на одной высоте с лодками, спущенными от Ольтениц в устье этой реки, оставаться там до сумерек, а когда начнет темнеть, вывести флотилию из Аржиша в Дунай, спустить ее вниз, а самому идти берегом Дуная к месту амбаркации. Остальная пехота направлена к реке двумя колоннами. Воловым подводам, в которых миновалась надобность (вероятно потому, что турки при утреннем отступлении увлекли к противоположному берегу и то судно, которое наблюдало устье Аржиша), приказано, когда начнет смеркаться, и неприятель не сможет ясно различать предметы, следовать в голове пехотных колонн, дабы поднимаемою ими пылью ввести в заблуждение Турок насчет малочисленности артиллерии и отряда.

Соображая приложенный при сем план с некоторыми данными, встречающимися в реляции и в [45] переписке Суворова с Графом Салтыковым, видно, что город Туртукай имел в окружности до четырех верст и находился на нагорном берегу Дуная. В числе значительных зданий, упоминаемых Суворовым, показаны: мечеть, большой дом Паши, палаточный, провиантский и пороховой магазины и ряды. Местность города, склоняясь к реке, разрезана глубоким оврагом в восточной его части. Об окрестностях города можно заключать из объяснений значения слова «Туртукай» на Русском языке, сделанного самим Суворовым: «Туртукай напротив; по Русски: стой тут конь! то есть на той стороне дороги худы; а на горе крепиться можно токмо хорошей дивизии. Дунай узок, Аржишь хорош!»⁴

Неприятель имел в Туртукае три лагеря: с южной стороны лагерь Паши, с западной – большой, а с восточной – меньший их лагерь. Лагери эти оборонялись четырьмя батареями, окопанными брустверами и вооруженными четырнадцатью

орудиями; из них три батареи: № 16, 18 и 19-й обращены были к Дунаю, а четвертая № 17-й защищала доступ к юго-восточному углу меньшего их лагеря. Батарея № 18-й обороняла суда, стоявшие в Дунае против того места. Ниже города, по низменной части правого берега, Турки имели два пикета (№ 14 и 13). Нагорный берег [46] Дуная крут, пересечен рытвинами и промоинами и покрыт кустарником и лесом. Избранное Суворовым место для амбаркации отряда находилось ниже Туртукая, где ширина Дуная около 300 сажень.

По сбору на берегу войск, приступлено к амбаркации. Судя были разделены на три отделения (пл. № 11); пехота, сохраняя боевой расчет двух колонн и резерва, составленного из двух рот, поместилась на двух отделениях, которые вслед за тем отчалили от берега. Карабинеры и казаки, назначенные в экспедицию, должны были переправиться на третьем отделении судов, во втором транспорте, после пехоты. Неприятель, между тем, следя за действиями отряда, тотчас открыл канонаду с батареи № 16 и ружейный огонь с пикетов (№ 14 и 13); но этот огонь, произведенный в темноте ночи, был мало действителен, и флотилия без вреда и замешательства, хотя и снесенная быстротою течения воды вниз на версту, причалила к неприятельской стороне (№ 12). Пехота ступила на берег, быстро построилась в две колонны с резервом и, не теряя времени, двинулась вверх по берегу реки. Войска наши, имея в голове стрелков, опрокинули пикеты и отбили орудие, поставленное Турками у подошвы нагорного берега ниже батареи № 16-го. Суворов, указав первой колонне Батурина батарею № 16, направил вторую колонну Мауринова чрез лагерь, левее первой, на батарею № 17. Полковник Батурин, при колонне которого находился сам Суворов, ударив на батарею в штыки, был встречен сильным пушечным и ружейным огнем. Выдержав и тот и другой, колонна его бросилась на крутизну [47] пред батареей, взлетела на высокий бруствер, которым обнесена была батарея, овладела ею и повернула в лагерь, очищая путь штыками и гоня бежавшего перед нею неприятеля. В то же время вторая колонна Мауринова, пройдя на штыках чрез лагерь и преодолев такие же затруднения, какие испытала первая колонна, стала на батарее № 17. Батарея № 18-й была отнята у неприятеля гренадерскою ротою, отряженною от колонны Батурина в самый тот момент, когда он, завладевши батареей № 16, двинулся в лагерь.

Резерв майора Ребока до сих пор следовал за первой колонной. Когда же батареи № 16, 17 и 18-й были заняты, и колонна Батурина очистила меньший Турецкий лагерь, а колонна Мауринова лагерь Паши. Тогда Суворов, обратив вторую колонну в резерв, приказал Ребоку с прежним резервом идти на большой лагерь, расположенный за Туртукаем к стороне Рущука, занять его и овладеть батареей № 19, а Батурина двинул в город для очищения его от неприятеля. Все эти распоряжения исполнены войсками быстро, с примерным мужеством и отвагою. Турки, объятые страхом, бросались, куда попало, часть их побежала к Шумле, а другая, небольшая, расположилась в шалашах в 20-ти верстах от Туртукая к стороне Рущука.

Полковник Мещерский, командовавший карабинерами и казаками, оставленными на левой стороне Дуная, сначала действовал из орудий против неприятельских батарей, а потом, когда пехота овладела городом и лагерями, он на оставленное третье отделение судов посадил 150 охотников из своих [48] карабинер под команду майора Гранкина и 60 казаков есаула Сенюшкина, приказав вести лошадей вплавь, и переправил их к тому месту на противоположной стороне, где неприятель имел пикет (№ 22-й). Майор Гранкин, поднявшись на гору, выехал в тыл городу, был встречен огнем вытесненной из лагерей Турецкой конницы и атакою из лощины. Выдержав напор неприятеля и быв вовремя поддержан казаками Сенюшкина, он в свою очередь стремительно атаковал Турок и заставил их разбежаться.

Вскоре за вторым транспортом отправлен был третий со спешенными казаками майора Кашперова. Они разбили прикрытые Турецких судов и овладели ими.

Атака Туртукайских лагерей и города, начатая в первом часу по полуночи, по быстроте, с которой действовали все части отряда, не могла быть продолжительна. В начале четвертого часа все было кончено. Еще до рассвета 10-го Мая Суворов послал донесение Графу Салтыкову о взятии Туртукая. Донесение это, писанное карандашом на лоскутке бумажки, состояло в следующем: «Ваше Сиятельство мы победили! Слава Богу, слава Вам! А. Суворов». Затем отряд его построился за городом в одну линию фронтом в поле, имея пехоту на правом, а карабинер на левом фланге. Казаки были посланы в разъезд (№ 24).

после неприятеля очередь дошла и до города. Желая отнять у Турок всякую возможность утвердиться и впоследствии на этом пункте, Суворов оставил на некоторое время свой отряд в занятой [49] позиции, а в город, между тем, командировал две роты. Им приказано: городские имущества Турок собрать, Булгар и других Христиан, жителей Туртукая, отправить на нашу сторону, а город зажечь. Вследствие сего все найденное в городе отдано войскам, пороховой магазин подорван, прочие здания сожжены и разорены до основания; 187 семейств, в числе 683 душ обоего пола, отправлены на левую сторону Дуная, а вслед за ними, часу в шестом утра, когда уже совсем рассвело, переправился отряд на судах Туртукайской флотилии.

Трофеями Туртукайского боя были: 6 знамен, 16 пушек, из коих две по тяжести и негодности брошены в Дунай, в 14, меньшего калибра, взяты с собою, и флотилия, состоявшая из 51 судна.

Потеря неприятеля убитыми 1,500 человек, пленных не было. Урон с нашей стороны незначителен: в деле 9-го Мая убито 2, ранено 7 человек, а при взятии Туртукая убито 24, ранено 35 человек. В Туртукайском бою 710 Русских разбили четыре тысячи Турок.

Суворов, разделяя труды и опасности боя, взлезая с первой колонной на крутизны и батарею, не выходил из огня и был очевидцем мужества своих войск. А потому в подобной реляции Графу Салтыкову от 13-го Мая, свидетельствуя о храбрейших из своих сотрудников, он прибавляет: «Могу уверить Ваше Сиятельство, что храбрость всех чинов вверенного мне отряда, от штаб-офицеров до солдат, была крайне страшна неприятелю, хотя он и сам на батареях держался долго, но против быстроты нашего нападения устоять не мог. Солдаты, [50] рассвирепев, без помилования кололи, и в живых, кроме спасшихся бегством, ни один не остался; и что похвально было видеть – ни один солдат в сражении до вещей не прикасался, а стремился только поражать неприятеля. Офицеры были впереди и первыми входили на батареи. Все исполняли свое дело с приличною верным сынам отечества ревностью; будучи не в большом числе, все показали усердие Ее Императорскому Величеству, более которого желать не можно».

Разбор суждений биографов Князя Италийского о Туртукайском донесении.

Пользуясь оригинальными документами, я представил здесь все сцены первого Туртукайского поиска, не позволив себе ни малейшего отступления от фактов. Теперь будет кстати приостановиться в дальнейшем изложении военных действий и обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, какое значение иметь может Туртукайский поиск в нашей военной истории, и, во-вторых, в какой степени должны заслуживать вероятия, дошедшие к нам от биографов Князя Италийского, разноречия насчет этого эпизода военной жизни Суворова?

Относительно кампании 1773 года, Туртукайское дело не было без значения. Война в сем году продолжалась Русским Правительством с целью принудить Турок подписать мир. Это требовало действий решительных, и чтобы каждое дело сопровождалось выгодными для нас следствиями, будут ли они материальные или моральные. Поиск Суворова именно принадлежит к разряду последних. Легко судить о впечатлении, которое Туртукайский бой должен был произвести на неприятеля. Сам Граф Румянцев доволен был Суворовым, и свидетельством тому служить может письмо его Алексею [51] Михайловичу Обрезкову от 17 Мая, в котором он говорит: «Уведомляю Вас о поиске, удачно произведенном на Туртукай, о чем я получил известие, выезжая в Фокшаны. Генерал Суворов, скинув сей пост с толиким вредом неприятелю, рассыпал остатки его здесь бывших войск, спасшихся бегством, к рассеянию другим страха. Я желаю, чтоб сии происшествия открыли глаза нашему неприятелю познать оные плодами своих убеждений, которыми уловили его завистники, и дабы он тем скорее обратился к пути истинному и спасительному».

В военно-историческом отношении диспозиция на 10 Мая 1773 года замечательна как документ, указывающий на тождественность тактики Суворова с тактикой, порожденной французской революцией. Выражение в диспозиции: резерв действует по обычаю показывает, что употребление резерва в то время не только было новостью, но напротив так обыкновенно, что Суворов не находил даже надобным входить в объяснение способа действий резерва, а довольствовался сказать просто: по обычаю. Составляя резерв из двух рот, Суворов назначил туда третью часть своей пехоты, так что в определении силы резерва у него соблюдена та именно пропорция, которая ныне признается одним из основных правил тактики. Правило это мы извлекли из опыта войн XIX столетия; Суворов же его составил для себя гораздо ранее. Употребление стрелков в Туртукайском деле столь похоже на наше нынешнее, что всякий, кто не будет предварен о времени действия, для которого диспозиция составлена, готов принять ее за современную с нашим уставом, ибо расчет [52] стрелков и указание им мест во время движения совершенно соответствуют строю нашей колонны к атаке, прикрытой цепью застрельщиков, и скорее переносят мысль к новейшим войнам, нежели к эпохе Румянцева. Наконец третья, отличительная черта боя нашей эпохи: действие колоннами, также встречается у Суворова, как и прочие два нововведения новейшей тактики. Правда, в диспозиции нет речи о колонне, но зато в той же записке от 9 Мая, где Суворов излагал Графу Салтыкову свои соображения для поиска на Туртукай, он говорил: «пехота будет действовать в двух кареях с резервом и натурально инде колонною». Очевидно, что слово натурально имеет здесь тот же смысл как бы было сказано, что пехота будет действовать по обыкновению, соображаясь с обстоятельствами боя, то кареями, то колоннами.

Не будет ли справедливо сказать, заключая краткие эти замечания на Туртукайскую диспозицию, что Суворов, по его понятиям о тактике, шел впереди своего века, и силою своего гения и глубокими познаниями в военном деле достигнув тех же результатов, на которые одна только случайность навела 20 лет спустя Французов.

Обратимся ко второму вопросу. Биографы Князя Итальянского, вставляя в свои сочинения всем известное двоестиише:

*Слава Богу, слава Вам,
Туртукай взята, и я там,*

утверждают, что таково было донесение генерал-майора Суворова Графу Румянцеву о Туртукайском деле, и что Румянцев в свою очередь, представив [53] его Императрице, отозвался так: «Вот беспримерный лаконизм беспримерного Суворова, который старается уверить, что он глуп, но Европа не верит»; и вслед за тем отдал Суворова за то же дело под военный суд. Но ни один из биографов не указывает на

источник, из которого заимствованы сведения: о Туртукайском донесении, об отзыве, сделанном о Суворове Графом Румянцевым и о предании его военному суду.

Между тем, открытое в Июле месяце нынешнего года при разборе Архива военно-походной канцелярии Графа Румянцева-Задунайского дело, относящееся к эпохе действий генерал-майора Суворова на посту Негоештском против Туртукая с 6 Мая по 10 Июля 1773 года, дало возможность объяснить это обстоятельство на основании подлинной официальной и частной переписки генерал-майора Суворова с Командующим второй дивизией в Валахии Графом Салтыковым.

Свидетельство найденных документов и порядок командирования генерал-майора Суворова в Негоешты показывают, что он, будучи в полной подчиненности у Графа Салтыкова, не имел никаких прямых сношений с Главнокомандующим до 4-го Июня. Во все время пребывания в Негоештах до 4-го Июня сношения генерал-майора Суворова ограничиваются перепиской с генерал-аншефом Графом Салтыковым, как со своим начальником, и с генерал-поручиком Потемкиным, как с соседом по постам, о взаимном содействии, получении и передаче известий о неприятеле.

По одержании победы в Туртукае, Суворов послал [54] часу в четвертом утра Графу Салтыкову краткое известие с места побоища, писанное, как уже сказано, карандашом на небольшом лоскутке бумаги. Форма и краткость его не представляют нам ничего ни оригинального, ни забавного. Первый лоскут бумаги, найденный за обшлагом рукава или в кармане, послужил к тому, чтобы уведомить начальника, бывшего, вероятно, в довольно тревожном состоянии, и, может быть, ожидавшего с каждой минутой печального известия о гибели отряда. В таком случае, без сомнения, вся вина пала бы на Графа Салтыкова, не хотевшего увеличить сил Суворова, но между тем предписавшего произвести поиск на Туртукай еще 7-го Мая. Суворов, посылая лоскуток бумаги Салтыкову, более занят был мыслью о успокоении начальника, нежели соблюдением приличий и формы, к которым, нет сомнения, подчиненность его не обязывала во всякое время, но только не тогда. Не составлять же ему официального рапорта среди поля при едва брезжащем свете, и когда он имел другие, более важные заботы! Итак, что в свое время было сделано просто, по естественному ходу дела на войне, то в последствии, с течением времени, предание облекло в поэтическую форму.

Проследим переписку Суворова, относящуюся до дела 10 Мая. В шестом часу утра того же дня Суворов, заняв лагерь на левой стороне Дуная, послал знамена и первый рапорт Салтыкову с капитаном Братцовым. Не описывая дела, он только рекомендовал Графу этого офицера, как храброго человека и очевидца боя, бывшего в состоянии [55] дать полное объяснение всей экспедиции. 11 Мая Суворов, отнеся лагерь на 10 верст от Туртукая, послал Графу Салтыкову другой краткий рапорт, в котором исчислял приобретенные им трофеи. Наконец 13 Мая он представил подробную реляцию о действиях 9 и 10 Мая с приложением рапортов, поданных ему частными начальниками. Реляция эта 14 Мая в оригинале отослана от Графа Салтыкова Графу Румянцеву в Яссы, а при деле сохранены копии с оной и план, сделанный карандашом. Последний, вероятно, потому остался у Графа Салтыкова, что был представлен Суворовым гораздо позже.

Наведенные затем справки в биографиях Суворова и историях его военных походов, изданных в свет в разное время, показали, что в некоторых сочинениях, имеющих значение в военной литературе, не упоминается ни о Туртукайском донесении, ни об отзыве Главнокомандующего Императрице, ни о предании Суворова суду: таковы биографии Антинга⁵, Дюбокажа⁶, Лаверна и Картина войн России с Турцией генерал-майора Бутурлина. Равно также ничего не сказано о том в 47 № Прибавлений к Ст.-Петербургским ведомостям 1773 года, где со всею точностью напечатана подробная реляция 13 Мая и оговорено, что известие это взято [56] из донесения Графа Салтыкова Главнокомандующему.

В сочинениях, составляющих сборники анекдотов и преданий о Суворове, каковы например, сочинения Фукса, Бунакова, письма, изданные С. Глинкой⁷, истории Полевого и Булгарина и проч. приводятся: упомянутая реляция, отзыв Румянцева и рассказ о предании Суворова суду, но без указания источников, откуда авторы заимствовали свои сведения.

Сведя таким образом вместе все, что известно истинного и ложного о первом поиске Суворова на Туртукай и остановив внимание на донесении в том виде, в каком передают его биографы Суворова:

«Слава Богу, слава Вам, Туртукай взят и я там» должно признать, что три последние слова второго стиха, приданные ему для рифмы с первым, ни в каком случае не могли быть сказаны Суворовым; иначе донесение его было бы в противоречии с делом, потому что, переправясь с отрядом в тот же день 10-го Мая на левую сторону, Суворов оставался в Туртукае всего не более пяти часов, то есть столько времени, сколько ему нужно было, чтоб разбить неприятеля и сжечь город. Мнение, что Суворов словами «я там» выражал не ту мысль, что он остается в Туртукае, а только тот момент, когда писал записку, едва ли придаст ясности означенному противоречию. Граф Салтыков, приказавши [57] Суворову сделать экспедицию на Туртукай, знал, что он, исполняя его приказание, не мог миновать своего предмета действий; притом говоря, что Туртукай взят, Суворов в этой одной фразе начальнику высказывал все, чтоб уразуметь – кого он победил и где находился во время боя и после оного. Некоторые писатели, более сведущие в военной истории, желая, вероятно, согласить смысл второго стиха с самым фактом, позволили себе объяснить, что Суворов вместе с Туртукаем разорил еще Турецкое селение, называвшееся Ятам. Такое объяснение есть вымысел без всякого основания и не может быть допущено при знании всех обстоятельств первого Туртукайского поиска и окрестностей страны, потому что ближайшими селениями к Туртукаю были: по Руцукской дороге Туркесмель в 12-ти верстах и Коса в 24-х верстах по Силистрийской; с южной стороны к городу подходил лес.

Фукс, предлагая в своем сборнике анекдотов Туртукайское донесение и отзыв о Суворове Графа Румянцева Императрице, едва ли не был первый давший известность и тому, и другому. По званию секретаря Князя Итальянского, он мог, рассчитывая на свой авторитет и не доискиваясь до истины, передать слышанное им от изустных рассказчиков. Прочие писатели, поверив Фуксу на слово, повторили рассказ, не заметив несообразности в смысле второго стиха с самим фактом.

Между прочим, настоящее краткое донесение генерал-майора Суворова о Туртукайском деле, оставаясь до сих пор неизвестным, состояло в словах: «Ваше Сиятельство, мы победили! Слава Богу, слава Вам!» и было послано от Суворова не Графу Румянцеву, с которым в то время он не имел никаких сношений, а Графу Салтыкову, у которого Суворов был под командою. Граф Салтыков мог со своей стороны уведомить о нем Графа Румянцева, но не посылал ему оригинального. Самое открытие дела о двух поисках Суворова на Туртукай в 1773 году в военно-походном Архиве Графа Румянцева-Задунайского нисколько не может послужить опорой для тех, которые бы вздумали утверждать, что означенное донесение не могло оставаться неизвестным Румянцеву, когда все дело находилось у него в Архиве. В этом случае полагаем не излишним заметить, что в упомянутом Архиве, кроме этого дела, находятся и прочие дела по управлению и военным действиям второй дивизии в Валахии с 1770 по 1773-й год. Как и почему именно дела преимущественно одной второй дивизии попали в Архив Графа Румянцева, едва ли кто может объяснить в настоящее время.

Что касается до отзыва, будто бы сделанного о Суворове Графом Румянцевым по случаю представления Императрице Туртукайского донесения, то похвала Суворову, влагаемая Фуксом в уста Графа Румянцева, есть явный анахронизм. Для генерал-

майора Суворов тогда только что открывался путь к отличиям и известности. Императрица одна лишь угадывала в нем великого Полководца, в Европе и в России имя его еще не гремело победами и даже было ново в рядах армии. Суворов в Польше мог оставить воспоминания о себе, как о славном партизане, как о биче конфедератов, но для Европейской [59] известности ему нужно был прожить еще десятки лет и совершить блистательные кампании в Турции, Польше, Италии и Швейцарии. Впрочем, есть один рапорт от Графа Румянцева Военной Коллегии 14-го Апреля 1774 года, в котором он, по случаю назначения Суворова в корпус войск А. И. Бибикова, собиравшийся в Казани, просил оставить Суворова в его армии. К сему Румянцев не был вовсе побуждаем мыслью, что назначение Суворова придаст много гласности мерам, предпринимаемым правительством против Пугачева, а полагал, что отозвание Суворова из Гирсова будет замечено в Силистрии и ободрит неприятеля в нападениях на этот пункт. Притом это представление последовало год спустя после пребывания Суворова в армии Румянцева и после дел при Туртукае и Гирсове.

Наконец последний вопрос - был ли Суворов предан военному суду за Туртукайский поиск - не заслуживает даже, чтобы на нем останавливать внимание. Подвиг 10-го Мая, в связи с общими операциями в Валахии войск второй дивизии, сам за себя говорит. Румянцев не имел никаких причин к неудовольствию на Суворова, примерным образом исполнившего волю своего начальника, и едва ли притом настоят надобность доказывать неосновательность его биографов. Если даже и допустим, вопреки фактам и хода дел на театре войны, что Румянцев не находил надобности в произведении поиска на Туртукай 10-го Мая, то неудовольствие его должно было излиться на Графа Салтыкова. Суворов же, как исполнитель приказания [60] своего начальника, был в сем деле посторонним для главнокомандующего.

Письмо Румянцева Обрезкову от 17 Мая может служить лучшим доводом для опровержения неосновательности этот рассказа.

Но из этого вопроса рождается новый: с чего могло придти на мысль некоторым писателям возводить подобную клевету на Румянцева? Сколько можно догадываться, поводом к тому было действительное негодование главнокомандующего на Суворова за несогласие, происшедшее между ним и Каменским в Мае месяце 1774 года при движении командуемых ими дивизий к Базарджику. Биографы, вероятно, смешали факты и чрез то впали сами и ввели общественное мнение в ошибку.

Последнее время пребывания Суворова в армии Графа Румянцева-Задунайского

Оставим на время Суворова в Негоештах и бросим взгляд на действия второй дивизии и главных сил в промежуток времени между первой и второй экспедициями Суворова на Туртукай. Около того времени, когда Суворов истребил Туртукай, во второй дивизии сделан, как выше сказано, ряд поисков; из числа их поиск на Марутянский лагерь был неудачен. Начальник отряда, полковник князь Репнин со многими офицерами и рядовыми был взят в плен.

Главнокомандующий, похвалив дело Суворова, весьма огорчен был неудачею князя Репнина. Оставление в руках неприятеля судна с начальником ему казалось предательством со стороны подчиненных. Приказав по сему обстоятельству произвести исследование, Румянцев не упустил случая, чтобы не заметить графу Салтыкову, что никакое соображение не могло быть [61] хуже того, которым он руководился в поиске на Марутянский лагерь, ибо атаковать лагерь, составлявший авангард неприятельских

войск, в Рущуке находящихся, прилично было значительным силам, а не малому отряду, который, в сем случае, явно был предан в жертву многочисленному неприятелю.

После произведенных в первой половине мая поисков снова наступило бездействие в Валахии. Успех Туртукайской экспедиции, хотя и представлял полную возможность посылать партии из устья Аржиша на противоположный берег Дуная для отрезания сообщения водою Рущука с Силистрией, однако же граф Салтыков этим не воспользовался. Суда неприятельские по-прежнему имели свободное по Дунаю плавание. Около 20 мая граф Румянцев, усмотрев из донесений, что из Рущука вниз по Дунаю отплывало много Турецких судов, полагал, что неприятель, вследствие сделанных, может быть, ему открытий пленными отряда полковника князя Репнина, намерен был предпринять нападение на нашу сторону где-нибудь ниже Туртукая, и поэтому предписано было графу Салтыкову разузнать – на каком пункте своего расположения неприятель себя ослабил, и воспользовался тем для нанесения ему вреда. Приказание это, подобно другим, исполнено не было.

В таком состоянии находились дела до 25 мая. Генерал-майор Вейсман, переправившись чрез Дунай 23 числа, приближался около этого времени от Бабадага к Карасу.

Главнокомандующий, имея в виду озаботить неприятеля, выше Силистрии по Дунаю расположенного, с тем, чтобы, удержав его в прежнем положении, [62] не дозволить послать войск с верхнего Дуная в подкрепление действовавшим против Вейсмана, приказал графу Салтыкову выйти из лагеря пред Рущуком и сделать демонстрацию на крепость Турно, а на прочих пунктах расположения второй дивизии приступить снова к производству экспедиций за Дунай. Внезапное оставление лагеря нашими войсками, к бездействию которых Турки привыкли в течение почти месяца, и угроза крепости, которая положением своим порождала опасения в неприятеле, в течение предшествующих кампаний не могли не внушить в неприятеле беспокойства. Со своей стороны граф Салтыков приобретал через то средства скрывать свои силы и намерения. Чтобы еще сильнее утвердить неприятеля во мнении о решительности нашей штурмовать крепость Турно, сделано распоряжение о заготовлении жителями туров, лестниц, фашин и проч. и указаны места для склада материалов. На самом же деле все работы ограничивались построением плотов на реке Ольте и заготовлением леса для потребностей войск. В экспедиции за Дунай предназначались отряды: генерал-майора Суворова на Туртукайский лагерь и полковника Уварова на г. Ореву. Ниже увидим, что обе эти экспедиции не состоялись.

В то же время на среднем Дунае ниже крепости Силистрии действия состояли в следующем: генерал-майор Вейсман, разбив 27 мая у Карасу двенадцатитысячный неприятельский корпус, вошел в сообщение с главнокомандующим чрез Гирсовский пост; но сам оставался у Карасу в ожидании перехода главных сил чрез Дунай. [63]

Граф Румянцев, между тем, прибыв с главными силами на берег Дуная против Гирсова, осмотрел 1-го июня переправу через реку, нашел ее чрезвычайно затруднительной по причине большой ширины Дуная в том месте и, несмотря на то, решился переправляться. Для ускорения переправы сделано было распоряжение оставить тяжелые обозы на левой стороне Дуная, а чтобы еще более поощрить армию к облегчению себя от излишних повозок фельдмаршал не приказал переправлять и своих экипажей. Генерал-майору Вейсману предписано оставаться в прежней позиции и наблюдать дорогу в Базарджик, при движении против него неприятеля в превосходных силах, отступать к Гирсову, а если Турки направятся к Дунаю, минуя его, то выйти им в тыл в то время, когда они начнут переправляться на нашу сторону и разбить их.

Графу Салтыкову дано повеление развлекать внимание неприятеля демонстрациями и производить экспедиции за Дунай. Генерал Потемкин должен был действовать так же, как и Граф Салтыков, до тех пор, пока будет производиться

переправа. Когда же главные силы, соединившись в Гирсове с корпусом Вейсмана, пойдут к Гуробалам и далее к Силистрии, то Потемкину сделать нападение на ближайший неприятельский пост ниже Силистрии, переправиться там чрез Дунай и присоединиться к главным силам.

Вскоре затем главнокомандующий, получив донесение от генерал-майора Вейсмана, что дорога от Гирсова к Силистрии неудобна для движения артиллерии, и что переправа у Гуробал представляет менее [64] затруднений, нежели у Гирсова, сделал новые распоряжения: генералу Вейсману назначено 7-го июня от Карасу подойти к Гуробалам и атаковать находившийся там 6,000-ый неприятельский отряд с тылу в то время, когда генерал-поручик Потемкин ударит на него с фронта от реки. 7-го июня очищено сел. Гуробалы, и неприятель бежал к Силистрии. 10-го июня главные силы подошли к Дунаю. 11-го началась переправа, а 12-го двинуты к крепости Силистрии корпуса генерал-поручиков Ступишина и Потемкина. В авангарде их шел герой Вейсман.

Осман-Паша, стоявший лагерем выше Силистрии, по получении известия о взятии Гуробал и переправе русских войск чрез Дунай, перешел оттуда на дорогу из Силистрии в Гуробалы и занял новый лагерь в 5-ти верстах пред крепостью. Силы его простирались до 10,000. Лагерь был укреплен.

Авангард генерал-майора Вейсмана, пройдя дефиле, образуемое озером Галицией, горами и берегом Дуная, первый принял на себя атаку неприятеля. Подошедшие затем корпуса генерал-поручиков Ступишина и Потемкина выбили неприятеля из лагеря, преследовали его до садов Силистрийских и заняли лагерь в 3-х верстах от города.

13-го июня окончена переправа главных сил, которые расположились 4 версты, не доходя лагеря передовых корпусов. 15-го, корпус генерал-поручика Потемкина подвинут ближе к городу, а остальные войска стали пред самыми садами крепости. Произведенные в продолжение 15-го и 17-го июня рекогносцировки показали, что крепость лежит [65] у подошвы гор на самом берегу Дуная; горы покрыты лесом и изрыты глубокими оврагами. Закрытое и пересеченное свойство местности окрестностей Силистрии способствовало неприятелю производить вылазки и затрудняло расположение и действие наших войск. Пред городом находилась крутая ретраншированная гора, занятая сильным корпусом. Не уничтожив эту преграду, нельзя было приступить к городу. Граф Румянцев назначил атаку сего ретраншаменты на 18-е число. Выбранные из полков охотники под начальством генерал-майора Игельштрома составили одну колонну. Полки Ширванский и Кабардинский с батальоном гренадер под начальством генерал-майора Вейсмана другую колонну. Наконец, полки: 1-й гренадерский и Куринский с гренадерским батальоном подполковника графа Румянцева под командой генерал-поручика Ступишина составляли резерв этих колонн. В ночь на 18-е число колонны расположились скрытно у подошвы ретраншаменты и пред городом. Корпус генерал-поручика Потемкина должен был дать сигнал к атаке передовым колоннам и поддержать их во время действий. 18-го Июня на рассвете огонь с наших батарей возвестил начало боя. Шесть часов спустя, ретраншамент был занят генерал-майором Вейсманом, и защитники его истреблены.

В это время Главнокомандующий, прибыв в ретраншамент, приказал генерал-поручику Ступишину идти со своим резервом в главный корпус, а сам занялся с генерал-майором Вейсманом расположением новых батарей против города, как [66] вдруг пришло известие, что неприятель в больших силах наступает в тыл армии по Базарджикской дороге. Дивизия генерал-поручика Потемкина тотчас была двинута навстречу 7,000-му корпусу Турок, отряженному к Силистрии Ньюманом-Пашою, который сам с 20,000 человек находился уже не далее 30 верст. Генерал-поручик Потемкин, приблизившись к Турецкому корпусу, нашел там бой в полном разгаре.

Неприятель атаковал Ступишина в то время, когда корпус его возвращался из ретраншаментов в лагерь. Прибытие Потемкина решило бой в нашу пользу.

В тот же день гарнизон крепости, ободренный прибытием свежих сил, сделал сильную вылазку и принудил колонну Игельшторма, назначенную для штурма города, отступить. Фельдмаршал, полагая, что Визирь, отрядив корпус Ньюман-Паши в подкрепление гарнизона Силистрии, сам следовал за ним, решился немедленно отступить. Вейсману приказано было очистить ретраншамент в ночь на 19-е июня и вступить в лагерь. Выпавший затем большой дождь 19-го числа удержал войска наши перед Силистрией во весь день. 20-го июня армия двинулась назад и расположилась лагерем в 6-ти верстах от крепости.

В тот же день фельдмаршал, получив от войск, прикрывших переправу и оставленных в дефиле на дороге из Гуробал в Силистрию, известие, что усмотрен большой неприятельский лагерь между селений Кучук и Буюк-Кайнарджи, приказал генерал-квартирмейстеру генерал-майору Муромцеву произвести рекогносцировку, а 21-го июня двинул [67] туда Вейсмана с десятью батальонами и пятью кавалерийскими полками. 22-го июня Вейсман атаковал Турок в сильном их лагере, разбил их и, этим подвигом обеспечив обратную переправу фельдмаршала за Дунай, пал в бою, простреленный ружейною пулею в руку, грудь и сердце в тот самый момент, когда, ободряя солдат, въехал в первую шеренгу переднего фаса, прорванного Турками каре.

Турецким корпусом предводительствовал Ньюман-Паша. В составе корпуса находилось десять тысяч лучшей турецкой пехоты. Намерение Паши было истребить русскую армию в содействии с Силистрийским гарнизоном; и для того в самый день своего поражения предположил он занять окружающие высоты Дервентские и ударить на русскую армию в то время, когда она войдет в дефиле между Силистрией и Гуробалами.

После поражения Турок 22-го июня фельдмаршал 27-го июня переправился обратно на левую сторону Дуная. Побудительными причинами к тому были: изнурение кавалерии и недостаток фуража.

Перенесемся к Суворову в Негоешты. После 10-го мая, дав своим регулярным войскам отдых, он изредка посылал партии казаков на правую сторону Дуная, а сам, между тем, старался примечать, не найдется ли кто между его офицерами способным к партизанским действиям. От него требовали содействия генерал Потемкин и граф Салтыков. Суворов, готовый на все, признавал недостаточным ограничивать наши действия тревожением неприятеля небольшими партиями казаков; по его мнению, должно [68] было стать твердой ногою на правой стороне Дуная и распространять набеги как можно далее во внутрь страны. Желая по сему случаю объясниться с графом Салтыковым и сказать несколько слов о действиях Потемкина, которые он находил опасными, Суворов 14-го мая отъехал из Негоешт.

Возвратившись 17-го мая из Станештского лагеря к своему посту и не успев убедить графа Салтыкова усилить его пехотою, он занялся приведением в порядок своей флотилии, укрепления и артиллерии. В гребцы на суда вытребовал он жителей, а для исправления судов – мастеров, знающих строительную часть. В Негоешском укреплении, местами обвалившемся, и, по выражению Суворова, походившем на турецкий ретраншамент, бруствер возвышен, крутости одеты фашинами, положены штурмфалы, усилены и углублены рвы и выкопаны волчьи ямы. Артиллерия пополнена зарядами, укомплектована прислугою, усилена двумя 8-ми фунтовыми единорогами, а под турецкие пушки построены лафеты. Приготовив таким образом средства для обороны, он доносил графу Салтыкову, что Туртукайский лагерь увеличивается ежедневно, и что туда беспрестанно прибывали войска и сухим путем, и водою, между тем, как у него пехоты под ружьем было только 650 человек.

Граф Салтыков, побуждаемый Румянцевым отрезать коммуникацию неприятеля по Дуная, предписал Суворову 25 мая сообразить – как лучше исполнить волю

Главкомандующего и, если можно, сделать второе нападение на Туртукайский лагерь. 27 мая Суворов, [69] произведя рекогносцировку мест, прилежащих к устью Аржиша и противоположного берега, нашел, что для пресечения сообщения Дунаем Силистрии с Рущуком должно было занять остров, лежащий против Туртукайского урочища, таким числом пехоты и артиллерии, чтобы оборона его была довольно самостоятельна, и утвердиться на правой стороне Дуная, без чего удержание острова за собою было бы затруднительно.

Рассуждая о вторичной экспедиции за Дунай, Суворов представлял Графу Салтыкову, что, ограничивая цель нового поиска, подобно произведенному 10 мая, разбитием неприятеля, мы не достигнем того, чтобы овладеть течением Дуная, ибо ничто не воспрепятствует Туркам снова вернуться к Туртукайскому урочищу и мешать нашим предприятиям на Дунае. Между тем, труды и опасности для отряда будут те же, как в том случае, когда он возвратится после поиска, так и в том, если утвердится на правой стороне Дуная. С расширением цели и круга действий экспедиции за Дунаем необходимо было увеличить силы отряда, чтобы он был в состоянии отражать нападения Турок с трех сторон: от Силистрии, Шумлы и Рущука, и производить набеги во внутрь края. В противном случае успех на правой стороне Дуная тем более мог быть сомнителен, что в обстоятельствах, благоприятствовавших экспедиции 10 мая, мы на своей стороне имеем только одно: храбрость наших войск. На внезапность же нападения уже нельзя более рассчитывать, потому что неприятель был чрезвычайно бдителен и осторожен. [70]

Невзирая на основательность этих соображений, Граф Салтыков не уважил их, донес Главкомандующему, что Суворов отказался от вторичного поиска за Дунай, а Суворову предписал оставаться в Негоештах. Готовясь сам начать движение к стороне Турна, он предупредил Суворова не надеяться на пособие от дивизии и при нападении неприятеля в превосходных силах ожидать подкрепления от генерала Потемкина.

Оскорбился ли Суворов невниманием к его рвению или ему не понравилось оборонительное положение против неприятеля, им презираемого, больной и ослабленный продолжительной лихорадкой он не хотел более оставаться в Негоештах и 29 мая писал Салтыкову: «Ваше Сиятельство изготавляетесь на наступательное, а меня здесь оставлять изволите. Нижайше прошу, милостивый государь, взять меня к себе, а на мое место сюда определить кого из младших меня. Милостиво и сами рассудите, сколько мне и так обидно, что у Текелли⁸.... а он меня моложе. На сию Вашего Сиятельства милость твердо уповаю и проч.»

Вслед за письмом, 4 июня Суворов представил рапорт о увольнении его в Букарест для пользования от лихорадки. 5 июня, когда все было готово к отъезду, прибыл в Негоешты от Графа Румянцева курьер и вручил Суворову ордер, которым Главкомандующий в первый раз вошел в непосредственное с ним сношение.

В то время, когда Суворов доносил Салтыкову о невозможности сделать вторичный поиск на Туртукайский [71] лагерь за малочисленностью пехоты генерал Текелли уведомил его, что неприятель, переправясь 21 мая чрез Дунай, вступил в Банат и строил укрепления у Калафа. Последствием сего известия было предписание полковнику Уварову удержаться от поиска на Ореву.

В начале июня против второй дивизии стояло сорок шесть тысяч Турок: в Туртукае три тысячи, в Рущуке пятнадцать тысяч, в Фиштове пять тысяч, в Турне и Никополе пятнадцать тысяч и в Виддине восемь тысяч. Турки владели значительной флотилией и двумя пунктами на левой стороне Дуная: крепостью Турно и Калафатом. Силы и средства неприятеля позволяли ему перейти Дунай, открыть наступательные действия и взять в тыл расположение наших войск в Валахии. Но Турки не воспользовались своими преимуществами и оставались все время в бездействии на правой стороне Дуная. С нашей стороны начальный план операций второй дивизии был отчасти приведен в исполнение; оставалось перейти Дунай, атаковать Рущук и тем

сделать диверсию в пользу корпусов, действовавших от Гуробал к Силистрии. Граф Салтыков, не выходя еще из Станештского лагеря, составил военный совет из бывших при дивизии генералов и предложил на их обсуждение этот вопрос. Мнение Каменского, хотя и удостоенное одобрения Главнокомандующего, к исполнению принято было не вполне, по причине недостатка в судах во второй дивизии. Согласно сему мнению, Граф Салтыков должен был, присоединяя к себе отряд Текелли, сделать демонстрацию к обложению Турна, дабы заставить [72] Турок сосредоточить войска к Никополю. Затем он долженствовал увеличить гарнизон Журжи, занять ближайшие острова к Рушуку, построить на них батареи, разбить или отогнать прочь турецкие суда, там находящиеся, и потом на приготовленной флотилии переправиться с дивизией где-либо выше этой крепости и атаковать ее. 3-го июня дивизия подошла к крепости Турно, а 8-го снова обратилась к Журже с намерением произвести 10-го числа нападение на Рушук. Генерал Текелли занял позицию при устье Калмацуя для наблюдения за крепостью Турно. Генерал Суворов должен был содействовать предприятию Салтыкова посредством экспедиции на Туртукайское урочище.

Упомянутым выше ордером Румянцев, уведомив Суворова, что Салтыкову предписано усилить Негоештский отряд пехотой, приказывал ему сделать нападение на Туртукайский лагерь. если не встретит затруднений; в противном случае ограничиться демонстрациями, имевшими целью не допустить неприятеля послать часть войск в пособие Силистрийскому гарнизону. Четыре дня спустя, то есть 8-го июня, вторым ордером Румянцем, отменяя нападение на Туртукай, если оно еще не произведено, приказывал Суворову спуститься на судах к Чиканештам и занять неприятеля демонстрациями, сколько собственное усмотрение и искусство могут его в том руководить. Главнокомандующий признавал надобность в подобном действии, для того чтобы развлечь внимание гарнизона Силистрии в то время, когда корпуса Ступишина и Потемкина приблизятся к городу. [73]

Эти ордера и последовавшие за ними после второй экспедиции Суворова – суть единственные документы непосредственных сношений Главнокомандующего с Суворовым во все время пребывания последнего во второй дивизии до 10-го июля. Они писаны прямо Суворову во избежание напрасной потери времени, что неминуемо последовало бы, если те же приказания ему переданы были через Графа Салтыкова.

Распоряжение Румянцева одушевило Суворова и заставило на время забыть самую болезнь. На другой день после того, как Суворов просил для себя увольнения в Букарест, он писал Салтыкову, что чувствует себя здоровее, оставляет по-прежнему командование отрядом за собою и с рассветом 6-го июня пойдет к Дунаю, где, остановившись на высотах урочища Ольтениц, будет ожидать назначенной к нему в подкрепление пехоты. В письме от 6-го июня Суворов, между прочим, говорит: «вчера я вышел из жестокой лихорадки, завтра того же ожидаю».

Граф Салтыков, подтверждая повеление Главнокомандующего, требовал сверх того, чтобы Суворов, по разбитии Турок в Туртукайском лагере, двинулся правым берегом Дуная к Рушуку, куда, как мы видели, и сам он намеревался переправиться 10-го июня. В подкрепление Негоештскому отряду послал он один батальон Апшеронского полка и одну роту гренадер с двумя пушками. Суворов, ссылаясь на бдительность неприятеля, просил второго батальона Апшеронского полка и легких войск. Однако, не успев в своем требовании, изготовил диспозицию на 7-е июня для экспедиции за [74] Дунай, сообщил ее отряду к исполнению и вдруг, сдав команду старшему по нем полковнику Князю Мещерскому, донес Графу Салтыкову о своем отъезде и уехал в Букарест. Обстоятельство, побудившее Суворова оставить отряд в то время, когда он близок был исполнить свое намерение, чрезвычайно темно: в официальной его переписке нигде о том не упоминается. В частных письмах есть указание на причину негодования Суворова. Постараемся сколь возможно объяснить этот факт.

Борясь с болезнью, Суворов диктовал самую диспозицию в лихорадочном пароксизме. Полковник Князь Мещерский, старший по нем в отряде, принял от него диспозицию и сообщил ее войскам. С наступлением сумерек в лагере ударили подъем. Войска построились в колонны. Флотилия, готовая перенести отряд к победе, вошла в Дунай. В это самое время Князь Мещерский, желая заблаговременно ознакомить начальников частей с некоторыми распоряжениями на левом берегу и вместе с тем обозреть противную сторону, пригласил их поспешить прежде колонн на берега Дуная и Аржиша. Прибыв туда, они вдруг усматривают, что противная сторона покрыта множеством неприятельских войск, теряют бодрость и единогласно признают невозможным сделать переправу. Суворов, огорченный нерешительностью своих сподвижников, уехал.

К сожалению, диспозиция для атаки на 8-е июня не сохранена, и эта утрата тем более для нас чувствительна, что атака Туртукайского лагеря в ночь с 17-го на 18 июня была произведена по той же самой диспозиции. [75]

Письма Александра Васильевича по сему случаю к Салтыкову от 8-го и 9-го июня могут служить лучшими объяснениями на изложенное обстоятельство; притом они вполне рисуют состояние духа и положение Суворова в то время. Вот письмо от 8-го июня из Букареста: «сего числа я сюда привезен, день мой, насилию брожу. Ежели впредь какому быть с кочующими на Туртукайской горе, непременно должно, чтоб ваше Сиятельство изволили прислать и второй Апшеронский батальон, хотя и на первый случай. Прибывший батальон не имеет в себе полбатальона».

«Прошлая ночь была пустая. Дело было пол дела против прошлаго. Маневр в атаке был прекраснейший, войска для вступления в оной надвинуты были по их лагерям. Флотилия 30-ти лодок для левой атаки, 4 чайки для правой с острова уже были в рукаве. J'ai horreur de Vous dire le reste. Votre Excellence devinera d'Elle même, que cela reste entre nous; moi, vagabond, je ne veux point ici d'ennemis, hormis que l'indignation pour quelque tems ne manquera pas. и пр.»

Письмо от 9-го июня: «С двух ордеров Вашего Сиятельства от 7-го и 8-го сего месяца сообщил мне сюда за известие копию г-н полковник Князь Мещерский. Ордер от 8-го быть так! а что от 7-го подлинно мне делает другую лихорадку. Благоволите, Ваше Сиятельство, рассудить, могу ли я уже снова над такою подлою трусливостью команду принимать, и не лучше ли мне где на крыле примаючить, нежели подвергать себя фельдфебельством моим до стыда видеть под собою нарушающих присягу и опровергающих весь долг службы. Г. Б. причину [76] всему, все оробели и до Кашперова. Я чуть имел движение!... Какой это позор! Все оробели, лица не те! Бога ради, Ваше Сиятельство, сожгите письмо. Опять сим напоминаю, что я здесь неприятеля не хочу, и лучше все брошу нежели бы его иметь пожелал. Каторга моя в Польше, за мое праводушие, всем разумным знакома. Есть еще Граф Иван Петрович способ, соизвольте на время прислать к нашим молодцам потверже Генерал-Майора; всякой здесь меня моложе, он может ко мне заехать, я ему дам диспозицию: (той нет у рук, что я диктовал в беспамятстве, она хороша!) Прикажите ему только смело атаковать. Г. Б. за чем нибудь, между тем, отзовите. Да пришлите еще пару на сие время смелых, мужественных штаб-офицеров пехотных. Сегодняшняя лихорадка была слава Богу полегче, потел только около 4-х часов. Боже мой! когда подумаю, жилы рвутся! остаюсь и проч.»

В отсутствие Суворова из Негоешт, Князь Мещерский ни на что не решался: экспедиция за Дунай казалась ему невозможной по многочисленности неприятеля. Отплыть к Чиканештам, как предписывал Главнокомандующий ордером от 8-го июня, он находил также опасным, потому что неприятель, усмотрев это, мог напасть на Негоешты. Ограничивая свои действия демонстрацией, Мещерский занял лагерь ближе к Дунаю, построил батарею в устье Аржиша для обстреливания судов, проходивших мимо Туртукайского урочища, и посылал по ночам на правую сторону Дуная

небольшие партии казаков, которые, возвращаясь со светом, доставляли одни и те же известия: что неприятель весьма бдителен, [77] и при малейшей попытке пристать к берегу пикеты его дают сигнал, и Турки сбегаются большими массами к реке.

Суворов, между тем, будучи томим болезнью и горя нетерпением возвратиться к своему посту, опасался, чтобы в его отсутствие не миновалась надобность в экспедиции, и чтоб Турки не ободрились, видя приготовления к оной оставленными. Занятый этими мыслями, он не переставал соображать обстоятельства, которые могли благоприятствовать успеху, и продолжал сноситься с Графом Салтыковым. 10-го июня он писал: «*Votre Excellence! J'apprehende fort, que du coté de Tourtoukay les opérations ne se ralentissent ; ma maudite fièvre en fait les empêchements. Je fus obligé de suer hier une seconde fois ; J'espere d'aboutir à a fin pour la semaine à venir et Dieu le veuille ! Pr. M. est fort honnête homme, mais il n'est pas encore en coutume de commander. Bat : le serait de même, mais p. et à cela il vise ; cela donne de l'influence et qu'en attendant cela n'empêste pas, malheureusement, les troupes. Les Turcs prennent courage, voyant les préparatifs de l'attaque retombés dans le néant. Encore prie-je Votre Excellence, si Vous ne commencez pas avec Roustchuk avant Tourtoukay et la combinaison des troupes de Nigoeste, tâchez de faire venir le dimanche prochain dans notre camp le deuxième bataillon d'Abscheronsky, c'est pour renforcer les opérations de Tourtoukay, c'est pour aboutir à une meilleure réussite. Vous aurez après toutes ces troupes a Vous, à la piste par eau et par terre. Ce bataillon là ne doit point avoir d'artillerie. J'assure Votre Excellence, c'est pour marcher à pas plus surs. Je reste...»*

Второй батальон Апшеронского полка, который так сильно Суворов домогался иметь у себя, прибыл в Негоешты. 14-го числа возвратился туда [78] и сам Суворов и в тот же день писал Графу: «Мне немного лучше, хочу начать попытку и в завтрашнюю ночь. Ежели Бог благословит успех, повелите ли с судами и людьми, оставив немного в Негоештах, подняться к Журже?»

Найдя отряд в Ольтеницах, Суворов назначил ночь с 17-го на 18-е июня для второго поиска на Туртукайский лагерь. Диспозиция, отданная им на 6-е июня, служила основанием для второй дополнительной, которую помещаю здесь вполне: «Диспозиция атаки на кучующих на Туртукайской горе, на основании прежней, прибавляя к тому»:

1-е, Все пехотные надлежат разделены быть на взводы в 6-ть рядов; так переправляются на судах, и пойдут быстро и мужественно на атаку взводною колонною, взводы намыкая в разделениях колонны один на другой, и задние напихивая на передние весьма. Колонна будет одна.

2-е, Разделение ея суть: 1-е Ребоков баталион; Астраханскаго пехотнаго: две роты гренадер, 4 мушкатер, егеря⁹ 2-е Батурина баталион 4 роты мушкатер и в середине их, баталион Графа Мелина. 3-е Астраханский карабинерный баталион. 4-е Апшеронский баталион, гренадерская рота в хвосте. 5-е все Арнауы, что Генерала Потемкина, и Кашперовых от 100 до 150. Оные действуют в лесах по их искусству и набегам и нискем не мешаются. [79] Командир на оными Кашперов. 6-е, Ингерманландский карабинерный полк на конях, и 160 Леонова казаков, на 4 разделения с ним и Сенюшкиным. Они и для пикетов на той стороне. Между сими отделениями колонны, интервалы шагов по 50-ти. Конница действует сама собою, и для того у Апшеронскаго баталиона гренадерская рота в хвосте, да сверх того Г-ну Фишеру выбрать 48 стрелков на 4 отделения, в каждом по два урядника или ефрейтора, и у всех офицер. Оные действуют сзади по егерски, а посему Г. Фишер с его баталионом в арриергарде и резерве.

«3-е) Идти на прорыв, выигрывая прежний хребет горы, ни мало не останавливаясь. Голова хвоста не жидает, оной всегда в свое время поспеет, как прежний благополучный опыт доказал. Командиры [80] частей колонны или разделений ни о чем не докладывают; но действуют сами собою с поспешностию и

благоразумием. Ежели где Турки засядут, или будут набегать сильною толпою, то detaшируют на их зарез роту, две роты. И хотя detaшируется сам частный командир со всем его отделением; но сие без крайней нужды не чинит, а лучше их с крыльев колонны отстреливать, прорываясь на хребет горы. Буде же они ворвались бы (чего почти быть не может) в какой интервал марширующей колонны, то натурально, следующее отделение их тотчас выжмет. Не ошибаться на стрельбу и нападения наших Арнаут; а оным для того надлежит кричать беспрестанно сигнал. С кавалериею придут один единорог и одна трех-фунтовая пушка. Оныя доставить в каре Батурина. При них надлежит быть артиллеристов для подмоги двойное число. Хотя также при них будут лошади. Зарядов, принадлежностей довольно число, только без ящиков. Прочия все пушки закрывают переправу, и расставлены по берегу благоразумно; когда действие начнется, то можно из них стрелять холостыми зарядами, коих нарочно посильнее и довольно приготовить».

«4-е) Построение на хребте горы есть следующее: фронт на реку, буде из верхняго лагеря Турки не уйдут, с праваго крыла батальон Фишера, баталион Астраханский карабинерный, баталион Батурина, баталион Ребока. Баталионы Астраханский карабинерный и Батурина, кареями. Кавалерия позади. Тож Казаки и Арнауты. Чего ради ударить сбор и играть на трубах; построение когда место, с интервалами, [81] в каре лучше поставить, с крыльев, по одной только роте, но сильной.

Переправа: первая линия 30 лодок: Ребоков баталион, Батурина с Мелиным баталионами.

Вторая линия в 13 мачтовых судов; астраханский карабинерный баталион, Арнауты, ежели не будет довольно места, то для Апшеронскаго баталиона придать чайки, которыя пойдут позади того баталиона, дабы линию не портить.

Кашперову с Арнаутами тотчас идти своею дорогою и вступать в дело.

Третья линия четыре чайки: Ингерманландский карабинерный полк, перемешиваясь с 160 Леонова казаками; и при них Леонов и Сенюткин.»

«Судам возвращаться с той стороны весьма поспешно. И поелику оныя возвращаться будут, то сажать на них поспешно Ингерманландских карабинер с казаками смесь. При карабинерах отправить и два вышереченныя орудия. Вестовыя лодки пополам на сей и на той стороне».

«Атака на верхний турецкий лагерь, буде из онаго Турки не уйдут, надлежит быть того ж часу по построении на хребте горы».

«Первая линия: майор Ребок, два эскадрона карабинер Ингерманландскаго, казаков 40».

«Вторая линия: Астраханский карабинерный, и заним резерв, Фишер с Апшеронским баталионом два эскадрона Ингерманландскаго, 40 казаков. Кашперов с Арнаутами, действует по обычаю ни с кем не смешиваясь. На хребте горы останется каре Батурина, один эскадрон Ингерманландскаго, 50 Арна т, 80 казаков, из них 40 содержания пикетов». [82]

«Атаковать быстро и мужественно, разбить, отнять суда и свести к переправе на наш берег. Артиллерию турецкую весьма всю в целости забрать с лафетами. Ежели где кучка Турок будет просить их Аман, то давать погоню. За Турками чинить можно кавалериею токмо осторожно и не далеко. Впрочем возвращаться в прежнее построение на хребте горы».

Весь отряд Суворова имел 4,100 человек, в том числе под ружьем пехоты 1,720, регулярной кавалерии на коне 855, Арнаут генерал-поручика Потемкина 100, казаков полка Леонова и новонабранных 680. В составе отряда из регулярных войск находились: Астраханский и Апшеронский пехотные полки, 200 рекрут Капорскаго полка, астраханский и Ингерманландский карабинерные полки. К прежней артиллерии прибавлено две полковые пушки, четыре единорога и два из орудий, отбитых у

неприятеля 10 мая, так что вся артиллерия состояла из 6-ти полковых и 9-ти крепостных орудий. На правую сторону Дуная нынешний раз Суворов взял два орудия: часть орудий действовала с батареей, построенных на левом берегу Дуная; прочая же вся артиллерия оставалась в Негоештах.

Неприятель имел при Туртукайском урочище два лагеря: один поменьше на горе, несколько выше того места, где находится город, а другой большой лагерь, состоявший из палаток и шалашей, выше Туртукайского урочища, на низменной части правого берега. Перед лагерями насыпаны были укрепления и батареи. Турок было свыше четырех тысяч. Суворов переправил на правую сторону не более 2,565 [83] человек: в этом счету и 1,700 пехоты, 320 спешенных карабинер, 185 карабинер на коне и 360 казаков и Арнаут.

За три часа до наступления ночи стоявшая в устье Аржиша флотилия разделена на три части, названные в диспозиции линиями. Войска сели на суда и отплыли от берега постепенно, одно отделение за другим. Командир Ингерманландского карабинерного полка полковник Норов оставлен для начальствования на левом берегу.

Как только 1-я линия судов оставила левый берег, наши батареи произвели пальбу и притом столь удачно, что неприятель поспешно очистил противную сторону. С приближением судов к берегу турецкие пикеты открыли по ним ружейный огонь. Войска наши, не отвечая им пальбою, вышли на берег, построились в шестирядную колонну и двинулись вперед, взбираясь в полном порядке на нагорный берег, не смотря на множество рытвин и оврагов. Взойдя наверх, колонна двинулась направо к хребту горы, лежащей выше разоренного Туртукая, и была встречена из меньшего турецкого лагеря ружейным и пушечным огнем. Шедший в голове майор Ребок открыл со своей стороны ружейную пальбу и заставил Турок бежать в беспорядке из лагеря. В то же время вошли на хребет горы каре полковника Батурина и секунд-майора Графа Мелина, выстроились там и стали дожидаться карабинер и резервного батальона Фишера, которые, переправляясь на второй линии судов, несколько замедлили.

Турки между тем отошли за глубокий овраг [84] и намеревались, пользуясь темнотою ночи, сделать нечаянное нападение, но были предупреждены. Майор Ребок, следуя диспозиции, двинулся вперед с двумя гренадерскими, тремя мушкетерскими ротами и стрелками для атаки Турок и ретраншамент, находившегося впереди за двумя глубокими оврагами. Там был сам Туртукайский двухбунчужный Физулла-Сары-Паша и с ним другой Арслан-Паша. Колонна Ребока, перейдя первый овраг, подходила ко второму, как неприятель бросился оттуда на нее, но, быв отражен стрелками и гренадерами, возвратился в ретраншамент и открыл сильный пушечный и ружейный огонь. Майор Ребок, выдержав огонь, приблизился к ретраншаменту, спустился в ров и потом, поднявшись на высокий бруствер, ударил в штыки. Неприятель встретил его шашками, упорствовал четыре часа; ожесточение и резня были страшны. Турки бросались на русских офицеров, которые, будучи принуждены драться наряду с солдатами, были переранены, но не оставляли своих мест. Наконец, расторопность и храбрость начальников и мужество солдат взяли верх, кичливость неприятеля уступила твердости Русских, несмотря на то, что число Турок превосходило вчетверо силу колонны Ребока. 300 неприятелей было заколото на месте. Отбито 4 медные пушки и лагерь.

Этот момент боя был решителен. Только благоразумие и твердость начальствующего спасли отряд от поражения.

Суворов, переправившись со вторым отделением судов, до сего времени не находился в деле. Оба каре, следовавшие за майором Ребоком, подчинены были [85] полковнику Батурину. По диспозиции ему должно было поддержать Ребока, но он этого не сделал, нарушил диспозицию и едва не испортил всего дела. Сам Суворов объясняет это обстоятельство в письме к Графу Салтыкову от 27-го июня. «Что до г. Батурина, формально, милостивый государь, представлять от меня не станется; сердце

не такое. Всякий полковник имеет у себя много приятелей, так и он в числе тех меня, что до партикулярности, по которой я им обязан; что же до субординации, я могу сказать что он ее довольно наблюдал, кроме сего разу. Покрался в мой разъезд, а я его, истинно, при завороте в Негоешты, хотел на время в Букарест уволить¹⁰. Для того надобно, Ваше Сиятельство, его унять, паче для примеру, ибо в таких корпусцах, как теперь команды моей, строгость требует величайшего наблюдения воинских правил. А главное неудовольствие на г. Батурина должно быть в том, что он своею храбростию надмен; хотел 17-го числа там быть где я ему за благо не судил, и распоровши диспозицию при начале, довольно было нас всех опасности подверг; по малой мере, людей у нас, по больше желаемого, перепортили, в том числе Братцева».

[86] Прибыв на ту высоту, где майор Ребок еще добивал бегущих Турок, Суворов расположил свой отряд так: колонна Ребока подвинута вперед ретраншаментов и поставлена на левом фланге 1-й линии против нижнего турецкого лагеря. Из двух каре Батурина и Мелина, ослабленных тремя ротами, отделенными в колонну Ребока, составлено одно и выдвинуто на правый фланг боевой линии для закрытия правого крыла со стороны Силистрии. Вторую линию боевого порядка составили резервный батальон майора Фишера, ставший за серединой 1-й линии, и каре спешенных карабинер полковника Князя Мещерского, помещенное за левым флангом 1-й линии к стороне Рушука. майор Кашперов со 100 казаками и 100 Арнаутом послан в левую сторону для очищения леса от неприятеля.

Построение отряда окончилось, и дневной свет уже с час озарял окрестности. Суворов, имея в виду атаковать нижний турецкий лагерь, занялся рекогносцировкой ближайших мест в ожидании прибытия к себе двух полковых орудий, двух эскадронов Ингерманландских карабинер и 160 казаков Леонова, переправлявшихся на третьем отделении судов. Неприятель, приметя это, послал к переправе часть войск, которая и засела в находившейся насупротив пустой батарее, дабы препятствовать высадке на берег ожидаемой Суворовым кавалерии и орудий, а сам повел на него атаку.

Подполковник Шемякин, начальствовавший двумя эскадронами Ингерманландских карабинер, приближаясь к берегу, сделал несколько картечных выстрелов, выгнал Турок из батареи и подоспел [87] с казаками Леонова к отряду в тот именно момент, когда Турки его атаковали.

Встреченные картечью прибывших двух орудий Турки повернули назад в лагерь. Подполковник Шемякин врубился в бегущую толпу, казаки Леонова не отставали от карабинер, многих перекололи, овладели одной пушкой, прогнали неприятеля чрез его лагерь и преследовали его верст пять.

Турки оставили лагерь, окопанный сильным ретраншаментом, с 9-ю медными пушками, 35-ю судами и со множеством жизненных запасов, которые все были отданы отряду.

Трофеями этого дня были 14 медных пушек и 35 судов. Число убитых неприятелей простиралось до 800-т. В числе последних находился Физулл-Саоы-Паша, убитый ординарцем Суворова сержантом Горшковым.

С нашей стороны урон был не более 6-ти человек убитыми, 7-ми офицеров и 100 рядовых ранеными¹¹.

Отряд в тот же день переправился на левую сторону Дуная, забрав с собою орудия, запасы и суда.

Колонна Ребока начала бой; кавалерия довершила его; Суворову не пришлось даже ввести в дело всей своей пехоты.

После этой экспедиции Суворов писал графу Салтыкову: «Милостивый Государь, граф Иван Петрович! [88] подлинно мы были вчера: *veni, vidi, vici*, а мне – так первоучинка! Вашему Сиятельству и вперед послужу; я человек бесхитростный, лишь только, батюшка, давайте поскорее второй класс»¹². В реляции особенно похваляются рекруты, которые, будучи первый раз в деле, дрались с великим мужеством.

Граф Румянцев со своей стороны писал Салтыкову от 20-го июня: «По полученным уведомлениям от Вашего Сиятельства о поиске на Туртукай и разбитии неприятеля, делавшего покушение на Журжу, с удовольствием похваляю сии добрые подвиги и в них рачение и труд предводительствовавших там войсками: г. г. генерал-поручика и кавалера Каменского и генерал-майора и кавалера Суворова».

Граф Салтыков, донеся Главнокомандующему, что он свой переход за Дунай будет сообразовывать с ходом операции под Силистрией, оставил свои предположения к переправе на 10-е июня, а Суворову предписал: вместо движения к Рущуку правым берегом прибыть к Журже с флотилией и отрядом на усиление его.

Суворов, оставив в Негоештах Капорских рекрут Мелина, расположил полковника Норова с Ингерманландским карабинерным полком между Обилештами и Нигоештами, вверил ему охранение всей дистанции и обоих пунктов, а сам отплыл вверх по Дунаю с Астраханских пехотным полком, Апшеронским батальоном и шестью орудиями. Казаки и Астраханские карабинеры следовали берегом. [89] не имея в отряде ни снарядов, ни патронов, он должен был проходить со своею флотилией мимо турецкого лагеря, верст в 12-ть ниже Рущука расположенного, весьма этим озаботился и писал: «Не знаю, как мне пройти варварский лагерь; в баталию вступать, и особливо морскую, аппетиту нет; ежели потребно, Ваше Сиятельство, мне помогите».

Поднявшись к селению Прунту, он послал другое письмо: «Обстоятельства Силистрийские попеременялись, учинили большую инфлуенцию. Помнить надобно Букарест. Генерала Потемкина нет; надлежит чтоб Обилешты пост мирно, а Негоешты весьма, закрыты были скоро до времени. Так прикажите Ваше Сиятельство, чтоб я уже со всею моею кучкою поворотил к Негоештам, она не велика, человек сотня лучших Астраханскаго пехотнаго молодцев по убыло, кроме больных; да и по-обезсилили! Также надобно немножко выэкзерцировать – поразстроились! Новые Туртукайцы, хоть скучно, накопляться будут, то и диверсия; а будем смотреть как бы поссочить. Не хочется на берегу стоять, пересекать коммуникацию с Силистриею; а ежели будет очень грубо, и дойдет нужда, то как же быть? Вельте! в нас Вашему Сиятельству прок не велик, а во мне и поготову; мне надобно выздороветь; придет чахотка – не буду годиться. Только, Милостивый Государь, прикажите поскорее флотилию снимать, а я тягу дам на моей оставшей – хоть не велика, да пока будет! В Вашего Сиятельства благоволение препоручаю Козлова-Угренина с тем, что бы сделали с ним милость, и, с рапортом о происшествии 18-го числа июня, приказали отправить к Фельдмаршалу его, а никого инаго. [90] Також препоручаю и прочих, и себя, остаюсь и проч.».

21-го июня полковник Норов по приказанию генерал-поручика Потемкина отбыл со своим полком и ранаутами в Гуробалы для прикрытия находившегося там вагенбурга рами, а Суворов возвратился в устье Аржиша и получил приказание пресечь коммуникацию Дунаем и производить демонстрацию новой экспедиции за Дунай, дабы несколько отвлечь к Туртукаю силы неприятеля от Силистрии. По этому случаю отряд его расположился на берегу Дуная, и приступлено к построению укреплений и батарей.

Сосредоточение корпуса Потемкина на правой стороне Дуная во время движения Ньюмана-Паши в тыл главным силам заставило возложить на Суворова охранение всего берега Дуная от Аржиша до Ликорешт. Осмотрев новую свою дистанцию, он доносил, что с его силами невозможно заградить вторжение неприятеля во внутрь Валахии на столь большом протяжении кордона. Ему надобно было в одно и тоже время иметь отряды в Ликорештах для заграждения пути к Букаресту в Обилештах, как центральном пункте всей дистанции, и в укреплении Негоештском, куда неприятель мог пробраться и сжечь флотилию. Но представления эти не были уважены; вместо усиления отряда, ему приказано отправить всех рекрут в Букарест, что его еще более ослабило.

Оставаясь по-прежнему в лагере при устье Аржиша, Суворов занялся приведением в порядок своей флотилии, довел ее до 101 судна всякой величины,

поднимавших [91] 5,500 человек пехоты и 1,500 конницы, посылал партии казаков на правую сторону Дуная и суда для крейсирования по реке.

Граф Салтыков, чтобы облегчить несколько Суворова, озабоченного охранением берега Дуная от Аржиша до Ликорешт и флотилии, в начале июля взял к себе в Журжу большую часть оной, а ему оставил 31 судно.

7-го июля последовало новое расписание полков. Суворов назначен в корпус Потемкина; все войска его отряда, кроме двух Астраханских полков, были от него взяты к Салтыкову. Новое назначение было для него весьма неприятно, и он писал: «Гром ударил, мне сего не воображалось ... Прошу инаго Ваше Сиятельство можете ли помочь? мне бы только с честью отсюда выти. Всего основания не знаю ... Больно! простите мне Ваше Сиятельство, что я принужден был писать к генерал-поручику Потемкину о флотилии и прочем, да и Вам объяснить. Жаль сие для будущих последствий».

«Будет ли, по малой мере, мне желаемое награждение?»¹³ Не оставьте того, Милостивый Государь; бегать за лаврами, неровно, иногда и голову сломиш по Вейсианову, да еще хорошо коли с честью и пользою! Наконец и то выти может. что не так, то такой как я, а что хорошо – то не я! Диспозиция мое экзекуторство, и проч.».

[92] Вскоре за расписанием граф Салтыков приказал Астраханскому карабинерному полку прибыть к нему в Журжу. Суворов, имея приказание Потемкина удержать этот полк, пока на смену его не придут в Нигоешты другие войска, писал Салтыкову по сему случаю последнее свое письмо 11-го июля, которым прощался с ним и благодарил за его к нему милости. «Простите меня, Ваше Сиятельство, что не мог иного делать. Завися уже от Григория Александровича Потемкина, паче с флотилиею, о которой сведение вошло к фельдмаршалу, ненадлежало ли мне пещися и на само-малейшее время о всякой военной предосторожности. Между тем, почти сей час, Турки из трех пушек против нас уже с Туртукайской горы выстрелили. Отправляюсь отсюда к фельдмаршалу. Беру я с собою бывших при мне и определенных в Астраханский пехотный полк: прапорщика Петухова, пребывавших при моем обозе: одного сержанта и одного фельдшера, да на время же капитана Козлова. – Милости Вашего Сиятельства на всегда в моей памяти. В оныя себя препоручаю и остаюсь с совершенным почитанием и проч.».

9-го июля письмом от Главнокомандующего Суворов был вызван в главную квартиру, 11-го сдал команду над отрядом старшему по нем подполковнику Алымову и в тот же день выехал из лагеря при устье Аржиша, послав наперед к графу Румянцеву письмо следующего содержания: «Вашего Высокографского Сиятельства милостивое письмо от 9-го июля имел счастье получить. С благодарным чувствованием целости Ваших всегдашних ко мне милостей, отправляюсь я отсюда немедленно к [93] Вашему Высокографскому Сиятельству. Препоручаю себя высокому Вашему покровительству, остаюсь с глубочайшим почитанием, Сиятельнейший Граф, и проч.».

Деятельность Суворова во все время пребывания его на Нигоештском посту служила образцом для других; кроме военных действий, он с одинаковым рвением занимался войсками, флотилией и устройством укреплений. Предметом особенной его заботливости было образование рекрут и внутреннее благоустройство отряда. В письмах от 22 и 27-го июня к графу Салтыкову Суворов говорит: «Карабинерам не ловко действовать со штыками. Мужики – рекруты г. Мелина хороши, не замайте, Ваше Сиятельство, у меня побудут, лучше научатся и жить будет нехуже!»

Капорская рекрутская команда ладна весьма; что будет в полку; только бы ее там поберегли от чудес! Астраханскаого пехотнаго, не велика; ее с прочими в полку тяжело опознать. Берегусь я, чтоб таких из рекрут в командированиях не отделять. а с прочими наравне. Что же по-больше командировки, то корпусами ротными, капральствами, это масса, командиры их при них, и ребяток берегут, ибо знакомее на ком взыскать; а Апшеронская команда у С. М. Теглева».

Даже Каменский, не любивший Суворова и, может быть, часто напоминавший Салтыкову о выражении Александра Васильевича: что он знает практику, Каменский тактику, а Салтыков не знает ни практики, ни тактики, отдал справедливость его трудам в письме от 16-го июня графу Салтыкову: «флотилия Александра Васильевича в таком состоянии, что [94] я не воображал; он отослал матросов и капрал к Миллеру; пришлите их сего дня сюда. Я у него взял уже несколько и блоков для поднятия парусов. Завтрашний день они еще много наделают.

Негоешты также в очень хорошем состоянии, и гора почти сровнена с монастырем. Одним словом, Александр Васильевич очень много трудился!»

Два дня спустя, тот же Каменский забавлялся на счет второй экспедиции Суворова и бездействия самого Салтыкова: *Je Vous félicite, en vérité, sur l'heureuse entreprise de M. Souvoroff. Vous avez donc aussi des nouvelles à rapporter – même des broderies, c'est à dire : des «grandes et petites!».*

Надобно знать, что Каменский одержал над неприятелем поверхность в тот же день, 18-го июня, на островах при Журже, когда Суворов разбил вторично Турок на Туртукайской горе. Салтыков, со своей стороны постоянно не исполняя приказание графа Румянцева на счет перехода за Дунай, не имел, конечно, ни о чем донести Главнокомандующему. На это-то обстоятельство Каменский и намекает.

В письме своем от 10-го июля Каменский еще менее щадит самолюбие Салтыкова и для острого словца погрешает пред истиной, говоря будто бы Суворов вошел в сношения с Главнокомандующим, минуя Салтыкова: «*M. Souvoroff n'est donc plus des nôtres. En vérité, j'en suis fâché un peu pour Vous; cela doit Vous faire plaisir, car je ne sais qui de Vous deux commandait à Nigöesti, surtout, après les Rapports qu'il envoyait directement au Maréchal.*»

Окончив обзор двухмесячной деятельности Александра [95] Васильевича в Нигоештах, не будет излишним сказать здесь несколько слов насчет мнения о нем графа Румянцева и о том, что отозвание Суворова из Нигоешт с тем, чтобы послать его в Гирсов, служило явным признаком внимания к нему Главнокомандующего. Мог ли Фельдмаршал доверить Суворову важный пост, если бы он питал к нему неудовольствие или считал его ослушным своей воле?

После долгих словесных совещаний с Суворовым Румянцев предписал ему 4-го августа принять в командование Гирсовский пост; пост этот, находясь на правой стороне Дуная, был полезен прежде как опорный пункт корпусу Вейсмана и в последствии, чтобы отвлекать внимание неприятеля и не дозволить ему обратить все свои силы в верхнюю Валахию.

Двукратное пред тем нападение Турок на Гирсово удостоверяло Главнокомандующего, сколь много неприятель озабочен отнятием у нас сего поста.

С той же целью, то есть отвлекает Турок от верхней Валахии, направлен был 3-го августа от Измаила к Бабадагу генерал-поручик барон Унгерн. Ему приказано войти в сношения с Суворовым и оставаться в Бабадаге до того времени, пока армия не будет усилена, чтоб снова поздней осенью перенести действия за Дунай.

Румянцев во всех почти своих ордерах называет Суворова искусным и благоразумным генералом. В ордере от 4-го августа он так выражается: «Видев образ Ваших мыслей и сведения, я представляю собственному Вашему искусству все, что [96] Вы, по усмотрению Вашему, найдете нужным на poste прибавить к вящей пользе. Скольким побудительное Ваше усердие к пользе службы открывает Вам путь к успехам, Вы себя в том довольно прославили. Надеюсь на сие, и на искусство Ваше, я охранение и оборону сего нужного пункта предаю на собственное Ваше усмотрение, и уверен, что Вы воспользуетесь иногда случаем к поиску над неприятелем. Изложив генеральные пункты, я остаюсь в надежде, что Вам, яко генералу, отличающемуся достоинствами военными, собственное благоразумие будет во всяком разе лучшим руководителем».

5-го сентября Румянцев писал Суворову: «За победу 3-го сентября, в которой признаю искусство и храбрость предводителя, и мужественный подвиг вверенных Вам полков, воздайте похвалу и благодарение именем моим всем чинам, трудившимся в сем деле».

Итак, утвердительно можно сказать, что в действиях Суворова в 1773-м году не открывается ни одного факта, который мог бы подтвердить суждения биографов о предании его военному суду. Похвала и справедливое внимание к заслугам постоянно выражаются в сношениях Румянцева с Суворовым, и отвергают всякое порицание, наброшенное вымыслом как на одного, так и на другого.

В кампанию 1774-го года встречается, впрочем, одно обстоятельство, давшее повод Румянцеву негодовать на Суворова.

Каменский и Суворов командовали тогда дивизиями, и посланы Фельдмаршалом к Шумле, один от Измаила, другой от Гирсова. Суворов, будучи подчинен [97] Каменскому, получил от него маршрут на соединение с ним при Базарджике. По маршруту, 28-е мая назначено днем выступления. Суворов, по причине неприбытия к нему некоторых полков из первой дивизии, не мог начать марша ранее 30 числа. Выступив двумя днями позже, он, сверх того, отступил от маршрута и пошел к Базарджику другою дорогой, которую он находил более удобной.

Объяснив Фельдмаршалу оба эти обстоятельства, Суворов не уведомил о том Каменского. Оскорбленный этим, Каменский рапортовал графу Румянцеву, что Суворов не исполняет его приказаний, неизвестно где находится и поступает так, как бы он был независим от него.

Граф Румянцев, пославши отыскать Суворова, ограничился со своей стороны замечанием Каменскому, что как начальник, он имеет все способы привести своего подчиненного к повиновению.

Этот случай был первым поводом к несогласию двух начальников. Козлуджинское сражение, в которое Суворов вступил без позволения Каменского и еще до прибытия его разбил неприятеля, довершило ссору, вследствие которой Суворов, поручив командование дивизией генералу Милорадовичу, уехал на другой день под предлогом болезни в главную квартиру. Как ожидать должно было, Румянцев принял Суворова весьма неласково и потребовал от него формального объяснения в том, как он решился оставить порученный ему пост в то время, когда он был командирован против неприятеля. Какое дал объяснение Суворов – нам [98] неизвестно, но в двух ордерах графу Салтыкову от 30-го июня Румянцев писал в первом: «Г. генерал-поручик и кавалер Суворов, уволенный от меня для излечения болезни в Букарест, по его отличному усердию и ревности к службе Ея Императорскаго Величества, по получении облегчения, конечно, захочет по-прежнему вступить в службу, которому, во избежание излишняго в переездах труда, я рекомендовал по способности явиться у Вашего Сиятельства, а Вы ему благоволите препоручить команду по своему благопризнанию». Во втором: «Генерал-поручику Суворову по прошению, ради излечения болезни, позволил я отъехать быть известными и из команды своей его исключите».

Был ли на этот раз Суворов предан суду? Поехал ли он в С. Петербург оправдывать себя пред Императрицею, или Румянцев примирился с ним совершенно – ничего нельзя сказать за неимением данных. Этот вопрос может быть решен только открытием документов, относящихся к этому обстоятельству.

Примечания

1. Кому не случалось слышать суждение некоторых Поляков о Суворове, перешедшее в предание. Говоря о нем, они выражались, что Суворов не имел понятия о войне, ему бы только драться с медведями. Бывало займешь позицию, ждешь Русских с фронта, а он бросается на нас либо с тылу, либо во фланг; мы разбегались более от страха и внезапности, нежели от поражения.

2. Сколько известно, подобные архивы находятся еще не открытыми в городе Дубно, в тамошнем Католическом монастыре, и в Ордонансгаузах городов Херсона и Кременчуга.

3. Должно понимать: место перестроения пехоты в колонны или каре для атаки лагерей.

4. Вероятно мысль была та, что для переправы через Дунай ширина реки никогда Суворова не затруднит; Аржишь же хорош для приготовления к тому флотилии. Письмо это писано 22-го мая – после второй экспедиции на Туртукай, когда Суворову приказано было от Салтыкова перехватывать Турецкие суда, идущие к Силистрии, о чем будет сказано в свое время.

5. Первая часть этого сочинения исправлена самим Суворовым; вторую исправлял Начальник его Штаба генерал Ивашов.

6. Где Туртукайское донесение приводится как пример лаконизма, но автор ничего не говорит о подлинности его.

7. Глинка в сочинении своем Русское чтение, изданном после писем, тоже не упоминает более о Туртукайском донесении.

8. Недосказано: более войск, нежели у меня.

9. В диспозиции состав батальона Ребока показан из 6-ти рот и егерей: в реляции же от 20-го июня Генерал-Майор Суворов говорит, что майор Ребок шел в авангарде с двумя ротами гренадер и стрелками. Поэтому должно полагать, что когда майор Ребок, по высадке на правую сторону Дуная, отделился в авангард с двумя гренадерскими ротами, то из остальных 4 рот его батальона было составлено особое каре, над которым начальство принял полковник Батурина. Четыре же роты Батурина батальона, соединяясь с 200 рекрут Капорского полка, составили второе каре секунд-майора Мелина.

Имея в виду, что в отряде Генерал-Майора Суворова находились полки Астраханский и Апшеронский пехотные в полном осьмиротном составе, надобно допустить, что из 4-х рот батальона майора Ребока, составивших каре полковника Батурина, две были Астраханского и две Апшеронского полка, или все четыре Апшеронского полка; ибо в реляции Суворов определительно говорит, что авангард Ребока и каре Мелина состояли из рот астраханского полка, считая в двух каре с авангардом и резервным батальоном Апшеронского полка майора Фишера 14 рот пехоты, не достаёт затем еще двух рот. Из переписки не видно, которого полка были те две роты, и какое они имели назначение во время дела.

10. Считаю долгом пояснить это обстоятельство. 24-го июня Суворов отъехал в Чиканешты для осмотра постов дистанции генерала Потемкина. Батурина, оставленный комендантом Негоештского укрепления, просил Суворова уволить его для излечения болезни в Букарест; отряд в то время стоял лагерем в устье Аржиша; начальствующий им полковник Князь Мещерский, получив разрешение Графа Салтыкова на отъезд полковника Батурина, сообщил ему о том. Батурина, не дожидаясь возвращения Суворова, оставил свой пост и уехал в Букарест.

11. Надобно думать, что урон с нашей стороны показан неточно; Суворов в письме к графу Салтыкову говорит, что из одного Астраханского пехотного полка убыло 100 лучших молодцев.

12. Св. Георгия.

13. За кампании 1773 и 1774 годов Суворов награжден: чином генерал-поручика, вторым классом Св. Георгия и саблею, алмазами украшенною.

План действий Суворова в первый поиск его на Туртукай

